

ЛАСКОВЫЙ ЗВЕЗДОЧЕТ

ЧУЖАК

— Книга 3 —

Ласковый Звездочёт

Чужак. Книга 3

«Автор»

2026

Звездочёт Л.

Чужак. Книга 3 / Л. Звездочёт — «Автор», 2026

Кхар-Мор мёртв, а передышки Северу никто не дал. Война вернулась с другой стороны. С юга идут обозы. Соль, красный металл, долговые кости и тёплый огонь, за который однажды придётся платить людьми. Ни одного доспеха, ни одного поджога. Рат, чужак из другого времени, держит союз Арка, Хада, волчьих и молодых воинов Тарга. Держит за тонкую нитку: вчерашние враги сидят у одного костра и поглядывают друг на друга. Юг воюет иначе. Он скупает голодных, помнит долги лучше любого старика и превращает спасение в цепь. Север может ответить одним. Считать по-своему, открыто, при огне, и ни разу не отдать человека в залог за мешок крупы. Потом в руки Рату попадает древняя пластина со схемой, которой в этом мире взяться неоткуда. Вопрос меняется. Раньше он спрашивал, как дожить до весны. Теперь спрашивает, был ли он первым чужаком. Может, здесь уже бывали другие, и после каждого оставались дороги, счёт и власть, которая со временем стала цепью.

Ласковый Звездочёт

Чужак. Книга 3

Глава 1 "Соль у детского входа"

Соль у детского входа

К утру снег у костров стал серой коркой.

Ночью он подтаял от жара, смешался с золой, жиром и растоптанной глиной, а под самый рассвет схватился снова. Теперь каждый шаг по старой зимовке звучал негромко, но зло: хрупко трескалась корка, под ней чавкала вода, и люди, ещё не проснувшись, уже знали — день будет мокрым.

Мокрый холод хуже сухого.

Сухой режет лицо, но оставляет мех живым. Мокрый входит в ремни, в швы, в сырмятные завязки, в обмотки на ногах, в стены полужемлянок. Он не бьёт сразу. Он просто остаётся. К полудню от него начинают ныть старые раны, к вечеру дети кашляют глубже, ночью старики перестают поворачиваться во сне, потому что каждый поворот требует силы.

Я вышел к общему огню, когда дым ещё висел низко, не поднимаясь. Он ел глаза и горло. Женщины уже шевелились у стоек, снимали с жердей жёсткие за ночь шкуры, мяли их руками, проверяли ремни. Один ремень хрустнул в пальцах у старухи, как тонкая кость. Она не выругалась. Просто посмотрела на него, потом на небо.

Так смотрят не на погоду. Так смотрят на запас.

У центрального огня лежали красные вещи.

Их не убрали.

Южный нож. Красный наконечник. Обломки, которые ещё недавно были желанием Харна. Кости счёта. Кость с Эльком. Кость с Руном. Пустое место рядом с именем Харна.

Пустые места теперь видели все.

Раньше пустое место было просто тем, куда ещё не положили мясо, шкуру, камень или человека. Теперь оно стало знаком. В пустое место мог войти тот, кто ещё не решил, чей он. В пустое место мог войти тот, кто устал ждать. Или тот, кого называли раньше свои.

Харн сидел у огня Тарга, но не в кругу молодых.

Не снаружи. Не внутри.

Так садятся люди, которым разрешили греться, но ещё не разрешили смеяться.

Он держал руки между коленями, смотрел на красный наконечник у общего огня и делал вид, что смотрит не туда. Тарг стоял спиной к нему. Слишком прямо. Слишком долго. Когда человек не хочет обернуться, он всегда стоит слишком прямо.

Люди Хада держались ближе к своему краю. После всего, что было, они уже не были чужими. Но ещё не стали своими. Их женщины подходили к общему огню за углями, но брали не первые. Мужчины говорили с людьми Арка, но не садились рядом, если рядом лежал южный нож. Дети Хада уже бегали с нашими детьми, но матери всё ещё считали их головами, когда те исчезали за дымом.

Арк сидел на низком камне у огня.

Старый, тяжёлый, неподвижный. Снаружи — камень. Внутри — огонь, который давно держит круг и знает: если слишком сильно вспыхнуть, все увидят, где он треснул.

Он поднял глаза, когда я подошёл.

— Ночь прошла, — сказал он.

Так здесь говорили о маленькой победе.

Я хотел ответить: круг держится.

Не сказал.

У мясной доски женщина из людей Хада отрезала тонкую полоску жира. Тонкую настолько, что нож скрёб по дереву. Она оглянулась, убедилась, что Хад не смотрит, потом спрятала полоску за пазуху. Не себе. Я знал, кому.

Ребёнку.

Я промолчал, потому что иногда правда, сказанная вслух, становится приказом. А приказ забрать у ребёнка жир был бы правильным только в плохом мире. Мы уже жили в плохом. Делать его ещё правильнее не хотелось.

Сая вышла из полуземлянки Хада, держа в руке тёплый камень, завернутый в старую шкуру.

Не просто тёплый. Последний из тех, что она грела всю ночь.

Лицо у неё было спокойное. Слишком спокойное. Я уже знал это лицо. Так она держала себя, когда вокруг люди начинали смотреть не на болезнь, а на неё. Когда от её рук ждали больше, чем руки могут дать.

Старуха шла за ней, прижимая к груди маленький мешочек с травами. Мешочек был почти плоский.

Сая увидела меня, но ничего не сказала.

И мне стало холоднее.

В полуземлянке Хада было темно, душно и кисло от дыхания.

Вход низкий, обмётанный снегом. Над ним висела старая шкура, промокшая по краям. Внутри дым не уходил полностью, держался под потолком, стелился вдоль стен, забивался в глаза. Ребёнок лежал у дальней стенки на мху и старой оленьей шкуре.

Мальчик был маленький.

Не младенец. Уже знал огонь, мать, голос Хада, наверное, уже знал, где лежит еда и где сидеть нельзя. Но сейчас от него осталось только мелкое тело под шкурой, открытый рот и грудь, которая поднималась так часто, будто воздух был не воздухом, а чем-то тяжёлым, что надо вытаскивать из земли.

Губы у него синели.

Мать сидела рядом. Я не знал её имени. Или знал и не держал в голове, потому что в круге Хада ещё было слишком много новых лиц. От этого мне стало стыдно. Южане, наверное, уже знали, как её зовут. Или знали не имя, а то, что важнее для счёта: чей ребёнок, где вход, кто лечит, кто решает, кто дрогнет.

Сая положила тёплый камень рядом с грудью мальчика, не касаясь кожи. Потом смочила мох в тёплой воде, приложила к его губам.

Он не пил. Только ловил воду губами.

— Ещё, — сказала мать.

Не просьба. Не приказ. Одно слово, выведенное из тела.

Сая дала ещё.

Мальчик закашлялся. Кашель был сухой, глубокий, неправильный. После него он не заплакал. Это было хуже. Ребёнок, у которого хватает сил плакать, ещё спорит с миром. Этот уже не спорил. Он только дышал.

Хад стоял у входа, пригнувшись. Внутрь полностью не входил. Большой человек в маленькой полуземлянке всегда кажется виноватым, даже если ни в чём не виноват.

— Что ему нужно? — спросил он.

Сая не сразу ответила.

Она растёрла между пальцами горький корень, понюхала, отбросила часть. То, что осталось, положила в маленькую чашу с горячей водой. Старуха молча подала ей другой пучок трав. Сая взяла, посмотрела, вернула.

— Тепло, — сказала она. — Жир. Сильный отвар. Тихий воздух. Чтобы дым не ел грудь. Хад посмотрел на стены полуземлянки, как будто мог приказать дыму выйти.

— Это есть?

Сая не подняла глаз.

— Мало.

Мать ребёнка услышала не слово. Она услышала правду под словом.

Мало — это когда ещё не смерть. Но уже не жизнь.

Я поймал себя на том, что считаю вещи, которых здесь не было. Чистую воду. Сухую ткань. Нормальный воздух. Лекарства, названия которых ещё не родились. Тёплое помещение без дыма. Возможность вынести ребёнка туда, где его не добьёт холод.

Все эти знания были бесполезнее мокрого ремня.

Сая снова коснулась груди мальчика. Очень легко. Потом положила два пальца ему под ребро и задержала там. Считала дыхание. Не так, как считал Юг. Не для долга. Для жизни.

Но со стороны разницы почти не было.

И от этой мысли меня передёрнуло.

Снаружи кто-то коротко вскрикнул.

Не крик нападения. Не крик боли.

Крик находки.

Хад резко обернулся и ударился плечом о притолоку. Мать ребёнка даже не повернула головы. Она смотрела на губы сына.

Я вышел первым.

У входа в полуземлянку стоял Луг, один из подростков, которые слишком рано начали смотреть как взрослые. Он держал копьё обеими руками, но направлял его не в лес, не в человека, а вниз.

На снегу у детского входа лежал свёрток.

Маленький.

Кожаный.

Перевязанный тонким сыромятным ремешком.

Он лежал не у общего огня. Не у огня Хада. Не возле красных вещей. Не на тропе, где его могли случайно найти дозорные.

Он лежал там, где утром мать ребёнка откидывала шкуру, чтобы выпустить дым.

Там, где Сая входила ночью.

Там, где ребёнок дышал хуже всего.

Люди начали сходиться молча.

Это было самым плохим.

Когда люди шумят, у них ещё есть силы спорить. Когда люди молчат, они уже слушают страх.

Тарг подошёл быстро, но не побежал. За ним двинулись его молодые. Харн поднялся, сделал шаг и остановился, будто не знал, имеет ли право идти вместе с ними. Потом всё-таки пошёл, но встал сзади.

Варг и двое волчьих остановились дальше всех. Один из его зверей тихо зарычал, но не на свёрток. На место вокруг него.

Арк поднялся с камня.

Хад вышел из полуземлянки последним. За его спиной появилась мать ребёнка. Она держалась одной рукой за край входа. На лице у неё не было страха перед Югом.

Только надежда.

От надежды у людей лицо становится страшнее, чем от ненависти.

— Не трогать, — сказал Тарг.

Он сказал это не громко, но так, что молодые сразу встали шире.

Мать ребёнка сделала шаг.

Тарг повернулся к ней.

— Не трогать.

Хад встал между ними.

— Это мой ребёнок, — сказал он. — Не твой.

Тарг не отвёл взгляда.

— Это их ремень.

— Это мой ребёнок.

И оба были правы.

Сая вышла из полуземлянки. На пальцах у неё была мокрая трава. Она посмотрела на свёрток, потом на мальчика внутри, потом на меня.

Не спросила.

Я тоже не ответил.

Старуха прошла к свёртку, но не наклонилась. Она поводила над ним рукой, не касаясь. Потом сплюнула в снег слева от себя.

— До знака не трогать.

— Какого знака? — спросил Хад.

— Чужого, — сказала старуха. — Или нашего.

Хад дернул щекой. Ему не нравилось, что чужие правила уже стояли между ним и сыном. Ему ещё меньше нравилось, что наши тоже стояли там же.

Я присел у свёртка.

Не коснулся рукой. Взял тонкую костяную палочку, которую Сая протянула мне молча, и поддел ремешок. Узел был завязан так, чтобы развязался легко. Это было тоже частью послания.

Не “мы бросили”.

Не “мы спрятали”.

“Мы положили так, чтобы вы взяли”.

Внутри лежала соль.

Серая. Крупная. Влажная на краях.

Щепоть. Не больше.

Рядом — маленький кусок сушёной рыбы. Тонкий красный обломок, похожий на шильце, но слишком малый для настоящей работы. Демонстрация. Приманка для глаза. И тонкая костяная полоска.

На полоске были знаки.

Котёл.

Травы.

Маленькая детская линия.

И рядом зарубка, похожая на знак Саи.

Не точная. Но достаточно похожая, чтобы все посмотрели на неё.

Вот тогда люди зашумели.

Не громко. Но сразу много.

— Её знак.

— Не её.

— Похож.

— Детский.

— Соль.

— Откуда они знали?

— Тихо, — сказал Арк.

Стало тише, но не спокойно.

Сая стояла неподвижно.

Я видел, как в ней двигаются две силы. Одна — та, что лечит. Она уже считала соль, воду, тепло, дыхание мальчика. Вторая — та, что понимает: если она сейчас возьмёт, Юг войдёт не через ворота, а через её руки.

Тарг сказал:

— В огонь это.

Мать ребёнка резко вдохнула.

Сая повернулась к нему.

— В огонь?

— Да.

— А если он умрёт?

Тарг сжал челюсть.

— Если он выживет от их соли, они скажут, что он их.

— Если он умрёт, потому что мы боялись соли, они скажут то же самое, — сказала Сая.
— Только сильнее.

Эти слова не были красивыми.

Поэтому ударили точно.

Хад посмотрел на неё. Впервые за утро не как на женщину, которая должна спасти его ребёнка. Как на человека, который сказал вслух то, что он сам боялся подумать.

Тарг сделал шаг ближе к свёртку.

— Они дали не соль. Они положили цепь.

Сая ответила сразу:

— Пока цепь лежит на снегу. Не на ребёнке.

— Если ты возьмёшь, она будет на нём.

— Если я не возьму, на нём может быть земля.

Молодые Тарга зашевелились. Люди Хада тоже. Между ними ещё не было драки, но пространство уже стало узким. Волчьи отступили ещё на шаг, как звери, которые чувствуют ловушку раньше людей.

Арк посмотрел на меня.

Это был плохой взгляд.

Старый вождь не просил решения. Он отдавал мне место, на котором любое слово становилось ошибкой.

Я посмотрел на свёрток.

Соль. Рыба. Красный обломок. Кость с женским знаком.

Не подарок кругу.

Подарок Сае.

Нет. Даже хуже.

Подарок её функции.

Юг не сказал: “Рат, говори”. Не сказал: “Арк, решай”. Не сказал: “Тарг, бейся”. Не сказал: “Хад, защищай своих”.

Юг сказал: “Сая, ты лечишь. Мы знаем, где лежит тот, кого ты не можешь вылечить”.

Я почувствовал холод в животе.

Такой ход делали не дикари. Так работала система.

— Если взять тайно, — сказал я, — долг будет их.

Никто не перебил.

— Если не взять, ребёнок может умереть. Тогда история тоже будет их.

Хад молчал. Тарг смотрел на меня так, будто уже знал, что я скажу, и заранее ненавидел.

— Если брать, — продолжил я, — брать при всех. Сразу положить на наш счёт. Не долг матери. Не долг Хада. Не долг Саи. Долг, который видел круг.

— Долг есть долг, — сказал Тарг.

— Да.

Он не ожидал этого.

— Да, — повторил я. — Поэтому его нельзя отдавать им. Если долг уже лежит здесь, он должен лежать у нашего огня, а не у их кости.

Сая не сказала “правильно”.

Она вообще ничего не сказала.

Мать ребёнка смотрела на соль.

Не на меня. Не на Арка. Не на Тарга. Даже не на Саю.

На соль.

И я понял: пока мы спорим о круге, Юг уже говорит с ней напрямую. Без слов. Без дороги. Без посла.

Тарг ткнул копьём в снег рядом со свёртком.

— А если след ещё тёплый?

Я кивнул.

— Проверим.

— Я иду.

— Нет, — сказал Арк.

Тарг повернулся медленно.

У Арка было лицо человека, который знает: сейчас может сломать больше, чем одно решение.

— Ты остаёшься у огня, — сказал Арк. — Молодые должны видеть тебя здесь.

— Мои молодые могут видеть мою спину в лесу.

— Они уже видели много спин, — сказал Арк. — Сегодня увидят, что ты не бросаешь огонь ради чужой приманки.

Тарг хотел ответить. Я видел, как ответ поднимается в нём плечами, шеей, рукой на древке копья.

Но он не сказал.

Это было новым.

Не миром. Не согласием. Просто новым.

Я указал на Нора, Варга и Харна.

— Мы пойдём малым следом.

Харн поднял голову.

Тарг тоже.

— Он? — спросил Тарг.

— Он видел красное близко, — сказал я. — Пусть теперь смотрит не на красное.

Харн побледнел от этих слов сильнее, чем от холода. Или мне показалось. Он всё ещё был слишком молод, чтобы лицо успевало прятать всё.

Тарг посмотрел на него.

Долго.

Потом сказал:

— Если увидишь — говори. Если захочешь взять — отруби себе руку раньше.

Харн кивнул.

Не как оскорблённый.

Как человек, которому дали не прощение, а задачу.

И иногда задача лучше прощения.

Мы оставили свёрток на плоском камне у общего огня.

Не в руках Саи. Не у Хада. Не у детского входа.

На камне.

При всех.

Сая села рядом с ним. Старуха села по другую сторону. Мать ребёнка осталась у входа в полуземлянку. Между ней и солью было шесть шагов. Я видел, как она считает их глазами.

Мы пошли к нижнему ручью.

Нор шёл первым.

Он не оставлял следа там, где другой оставил бы. Его ноги знали снег лучше, чем многие люди знают лица своих детей. Варг шёл чуть в стороне, низко опустив голову. Он не нюхал, как собака. Люди часто так думали и ошибались. Варг слушал запах. Разницу между дымом старой стоянки, жиром на коже, мокрым мехом, страхом зверя и чужой травой.

Харн шёл за мной.

Не слишком близко.

Будто боялся наступить в мой след и испортить его.

Лес ниже стоянки был мокрый и серый. Снег сыпал мелкой крупой, почти не видимой, но настойчивой. Он ложился на старые следы и съедал края. Ветки низких елей висели тяжело, иногда сбрасывали на плечи холодные комья. Под ногами наст ломался, и вода темнела в маленьких провалах.

У ручья лёд был тонкий.

В середине вода шла чёрная, быстрая, молчаливая. У берегов она схватилась мутной коркой с пузырями. Такая корка выглядит крепкой только для того, кто хочет умереть быстро.

Нор присел у корня.

— Мягкая обмотка.

Я опустился рядом.

След почти исчез. Но там, где человек поставил ногу у камня, снег продавился иначе. Не наша обувь. У нас обмотки грубее, край оставляет другой зуб. Здесь край был мягкий, как у хорошо выделанной кожи.

Варг провёл пальцами по коре.

Понюхал.

— Жир. Горькая трава.

Южная.

Он не сказал этого слова. Не нужно было.

Харн стоял позади и смотрел не в лес, а под ноги.

Хорошо.

Между елями мелькнула тень.

Малая.

Харн вскинул копьё.

Я ударил его по древку ладонью.

— Нет.

Он замер.

Тень исчезла.

— Маленький, — сказал я.

Нор посмотрел на меня.

— Или согнулся.

— Или нас хотят заставить бросить копьё в того, кого потом назовут ребёнком.

Харн опустил копьё медленно. Слишком медленно для человека, который не хотел бросить. Значит, хотел.

Он проглотил что-то, но не сказал.

Мы двинулись дальше.

Ручей делал изгиб между двумя корнями. Там снег лежал ровно. Слишком ровно.

Я уже хотел остановить Нору, но Харн сказал раньше:

— Корень не так держит снег.

Нор замер.

Варг тоже.

Я посмотрел на Харна.

Он не смотрел на нас. Только на снег у корня.

— Там пусто, — сказал он.

Нор вытянул длинную палку и коснулся белого места.

Снег провалился.

Под ним открылась кожаная петля, тонкая, почти белая от инея. Ниже — подрезанный лёд у самого края воды. Если бы человек шагнул туда быстро, нога ушла бы в ручей, петля схватила бы голень, а тот, кто рванулся помочь, наступил бы рядом.

Варг тихо выдохнул.

— Не на убийство.

— На крик, — сказал Нор.

Да.

На крик. На суету. На то, чтобы люди побежали, забыв смотреть.

Юг снова не хотел просто убить.

Он хотел увидеть, как мы спасаем.

Я посмотрел в лес.

Там никого не было. Или кто-то был достаточно умён, чтобы не быть.

Мы обошли петлю ниже. Нор срезал её не у основания, а посередине, чтобы тот, кто поставил, увидел: мы нашли. Варг подобрал с ветки пучок сухой травы. Харн не трогал ничего без взгляда Нора.

На низкой ветке у воды висела костяная пластина.

Такая тонкая, что могла быть частью рыбьего ребра. Привязана жилой. На ней — знак Саи. Не точный. Но уже увереннее, чем на первой кости.

Рядом короткая южная линия.

Одна зарубка.

Пустое место.

Нор снял пластину и передал мне.

Она была холодная и гладкая. Слишком гладкая для случайной вещи. Её держали в руках долго. Тёрли. Готовили.

— Дано, — сказал Варг.

Он редко говорил о таких вещах. Но когда говорил, лучше было слушать.

— И ждут, — добавил Нор.

Харн стоял чуть дальше. Смотрел в сторону, где исчезла малая тень.

— Он был здесь, — сказал он.

— Кто?

— Тот, кто положил. Он не ушёл далеко. Он хотел видеть, как мы найдём.

— Видел? — спросил я.

Харн помолчал.

— Если не видел, ему расскажут.

Нор поднял на него взгляд.

Это был хороший ответ.

Мы не стали идти глубже.

За малой тенью можно было идти до темноты, потерять след, найти ещё одну петлю, ещё одну кость, ещё одно пустое место. Юг дал нам не след. Юг дал нам движение. И если мы приняли бы его полностью, он уже вёл бы нас.

На обратном пути Харн нёс пластину сам.

Не я.

Не Нор.

Не Варг.

Он держал её открыто, двумя пальцами, как держат чужую грязь или чужой огонь. У входа в стоянку его первым увидел Тарг.

Тарг посмотрел на пластину. Потом на руки Харна. Потом на меня.

— Нашёл? — спросил он.

— Увидел ловушку, — сказал я.

Тарг снова посмотрел на Харна.

Не похвалил.

Не простил.

Но не отвернулся сразу.

Для Харна этого оказалось слишком много. Он опустил глаза и прошёл к общему огню.

Сая сидела там же, где мы её оставили. Камень со свёртком лежал перед ней. Соль не тронули.

Мать ребёнка сидела у входа.

За это время она будто стала меньше. Не потому что согнулась. Потому что всё, что было в ней, ушло в шесть шагов между входом и солью.

Хад стоял рядом с ней.

Если бы он мог ненавидеть соль сильнее, он бы ненавидел. Но ребёнок внутри полуземлянки снова закашлялся, и ненависть стала роскошью.

Мы разложили у огня найденное.

Первая костяная полоска.

Вторая пластина.

Петля.

Пучок горькой травы.

Маленький красный обломок.

Соль.

Рыба.

Арк сидел неподвижно. Тарг стоял. Хад стоял. Варг отошёл чуть в сторону, но не ушёл. Старуха склонилась над знаками, щурясь.

Сая взяла вторую пластину.

Я видел, как её пальцы задержались на своём знаке.

— Это не мой знак, — сказала она.

Никто не ответил.

— Но они хотят, чтобы он стал моим.

Вот теперь ответ был не нужен.

Тарг ткнул пальцем в пустое место.

— Для кого?

Старуха наклонилась ниже.

— Пустое место редко бывает пустым.

Хад резко посмотрел на неё.

— Говори прямо.

— Прямо говорят, когда знают, — сказала старуха. — А когда не знают, молчат, чтобы не открыть чужую дверь.

Хад хотел сказать ещё что-то, но из полуземлянки донёсся звук, и он обернулся.

Не крик.

Хуже.

Сухой короткий вдох, после которого не сразу пришёл выдох.

Мать ребёнка сорвалась с места и нырнула внутрь.

Сая уже была на ногах.

Я пошёл за ней, но остановился у входа. Внутри стало тесно от тел, страха и дыма. Хад протиснулся за Саей, старуха — следом. Я видел только спину Саи и руку матери, которая держала мальчика за плечо так осторожно, будто даже любовь могла сломать ему кость.

— Дыши, — сказала мать.

Не ему.

Миру.

Сая повернулась к старухе.

— Камень.

Старуха подала тёплый камень.

— Вода.

Подали воду.

— Мох.

Подали мох.

Ребёнок вдохнул. Хрипло. Мелко.

Сая не просила соль.

Она была сильнее этого.

Но мать посмотрела на неё так, что просьба всё равно прозвучала.

Сая вышла наружу.

Лицо у неё было прежнее. Спокойное. Слишком спокойное.

Она подошла к камню со свёртком. Не сразу взяла соль. Сначала подняла чистую маленькую кость из тех, что лежали у общего счёта. Не южную. Нашу. Простую, светлую, с грубым краем.

Положила её на снег перед всеми.

Потом взяла щепоть соли и высыпала на эту кость.

Соль легла серой полоской.

— Видели? — спросила Сая.

Никто не ответил.

Она посмотрела на Хада.

— Это не мой долг.

Потом на мать ребёнка.

— Не твой.

На Арка.

— Не только его.

На Тарга.

— Не их победа, если мы сами видим, что берём.

Тарг молчал.

Лицо у него было каменным. Но камень тоже иногда держит воду внутри.

Сая взяла с кости совсем немного соли. Меньше, чем хотела мать. Меньше, чем, возможно, было нужно. Остальное осталось лежать при всех.

Она вернулась внутрь.

Мы ждали.

Это было хуже боя.

В бою тело знает, что делать. Держи. Бей. Уходи. Поднимайся. Тащи. Не смотри на кровь, пока она не твоя. А здесь тело только стояло. Руки становились чужими. Ноги мерзли. Дым ел глаза. Люди слушали полуземлянку.

Я слышал воду в маленькой чаше.

Слышал, как Сая что-то шепнула матери.

Слышал кашель.

Потом тишину.
Потом снова вдох.
Длиннее.
Не хороший. Не здоровый. Просто длиннее.
Хад вышел первым.
Он не смотрел ни на кого. Сел прямо в снег рядом с входом и закрыл лицо руками. Не плакал. Хад был из тех людей, которые не плачут даже тогда, когда слёзы уже идут внутри.
Старуха вышла следом и сказала:
— Тише.
Это могло значить всё.
Сая вышла последней.
— Он спит, — сказала она.
Мать не вышла. Осталась внутри, положив ладонь ему на грудь.
Спит.
Одно слово. Не спасён. Не здоров. Не живёт. Спит.
Но люди выдохнули.
И я понял, что Юг победил сильнее, чем если бы ребёнок умер.
Потому что соль помогла.
Не как чудо. Не как южная магия. Не как знак богов.
Просто помогла.
И теперь каждый, кто видел, будет помнить: когда Север спорил, соль лежала на камне.
Когда Сая взяла её, ребёнок стал дышать ровнее.
Тарг отвернулся.
Харн смотрел на снег.
Хад всё ещё сидел у входа, закрыв лицо руками.
Арк поднялся медленно и подошёл к кости, на которой лежала соль. Он не тронул её.
Только посмотрел.
— Теперь это видит круг, — сказал он.
Хорошие слова.
Нужные.
Слабые.
Потому что Юг тоже видел. Или скоро узнает. Или уже знал, что именно так и будет.
Я взял пустой кожаный свёрток, чтобы вытряхнуть остатки на камень.
Из складки выпала тонкая костяная полоска.
Такая тонкая, что сначала я принял её за обломок.
Сая наклонилась раньше меня.
Подняла.
На полоске была одна зарубка.
Не знак Саи.
Не знак ребёнка.
Не знак соли.
Просто зарубка.
Счёт.
Сая держала кость на ладони, и я впервые за утро увидел, как у неё дрогнули пальцы.
Тарг шагнул ближе.
— Что?
Я не сразу ответил.
Я смотрел на кость, на соль, на вход в полуземлянку, где спал ребёнок Хада. На мать, которую не было видно, но чья ладонь наверняка всё ещё лежала на маленькой груди. На Хада,

сидящего в снегу. На Харна, которому дали идти и который вернулся не пустым. На Арка, который держал круг, но не мог отменить дыхание ребёнка. На Саю, через чьи руки Юг положил сюда не вещь, а вопрос.

Потом я понял.

Они записали не то, что мы взяли.

Они записали то, что мы не могли не взять.

Мы ещё не взяли южную соль.

Но Юг уже считал так, будто мы её взяли.

Глава 2 "Обратный долг"

Обратный долг

Ночью ребёнок Хада дышал ровнее.

Не хорошо.

Ровнее.

Этого оказалось достаточно, чтобы вся стоянка перестала спать.

Если бы мальчик умер, люди знали бы, что делать. Плакать, молчать, винить Юг, винить нас, винить Саю, винить мокрый холод, дым, зиму, старые решения, поздние руки. Мёртвого можно положить между словами и больше не ждать от него нового вдоха.

Но он жил.

И каждый его вдох теперь что-то значил.

В полуземлянке Хада было темно. Низкий огонь у входа давал не свет, а красное движение на стенах. Дым поднимался, упирался в потолок, потом стелился вниз, как будто передумал уходить. На мокрой шкуре у дальней стены лежал мальчик. Мать сидела рядом, не меняя позы. Одна ладонь у него на груди. Другая на собственном колене. Пальцы второй руки были сжаты так, что ногти, наверное, врезались в кожу.

Сая сидела у входа.

Не рядом с ребёнком. Не у огня. Между.

Так, чтобы видеть его грудь, мать, Хада, выход наружу и место, куда утром могли снова положить свёрток.

Старуха перебирала травы в маленьком мешочке. Перебирала не потому, что там было из чего выбирать. Просто рукам нужна работа, когда голова уже знает плохую правду. Трав оставалось мало. Хороших — ещё меньше. Несколько сухих корней, горькая трава, чёрные семена, которые надо было беречь для сильной боли, а не для кашля. И мох. Мха было много, но мох не лечит. Он только принимает воду, кровь и то, что люди больше не хотят видеть.

Я стоял у входа, пригнувшись.

Хад сидел снаружи, прямо на снегу. Он мог войти. Никто бы не остановил. Но внутри было тесно, а большой человек рядом с больным ребёнком становится лишним, если не умеет лечить. Он это понимал. Поэтому сидел у входа и слушал.

Каждый раз, когда мальчик задерживал дыхание, Хад поднимал голову.

Каждый раз, когда дыхание возвращалось, он опускал её обратно.

Так человек учится бояться воздуха.

У общего огня лежала тонкая костяная полоска с одной южной зарубкой.

Сая велела не убирать её.

Арк согласился.

Тарг молчал.

Люди шли мимо, будто не смотрели на неё. Но все смотрели. Даже те, кто отворачивался. Особенно те, кто отворачивался.

Остаток соли лежал рядом, на нашей светлой кости. При всех. Как сказала Сая. Не в мешке матери. Не в руке Хада. Не под шкурой у больного. Не у трав Саи.

На кости.

Это должно было сделать соль нашей.

Но соль не стала нашей только оттого, что мы положили её на свою кость.

Она продолжала пахнуть морем, которого большинство здесь никогда не видело, южными руками, чужим счётом и тем коротким улучшением в дыхании мальчика, которое теперь все помнили лучше любых слов Арка.

Тарг подошёл ближе к входу уже за полночь.

Я услышал его шаги по снегу раньше, чем увидел. Тарг всегда ступал тяжело, но не шумно. В этом была разница между большим человеком и неумным. Он остановился рядом со мной, посмотрел внутрь.

Мальчик спал.

Сая не обернулась.

— Жив? — спросил Тарг.

— Пока, — сказала она.

Тарг посмотрел на неё.

Я тоже.

Слово упало между нами, как маленький камень в тонкий лёд.

Пока.

В нём было всё, что Юг положил утром вместе с солью.

Пока дышит. Пока не пришла новая соль. Пока мать ещё ждёт Саю, а не свёрток. Пока Хад ещё сидит у нашего входа, а не смотрит вниз по ручью. Пока Тарг ещё может запретить своим молодым взять красное. Пока мы ещё думаем, что сами решаем.

Тарг хмуро посмотрел на остаток соли у общего огня.

— Они дали не соль, — сказал он. — Они положили ремень.

Сая наконец подняла на него глаза.

— Ремень не на ребёнке.

— Пока.

Она кивнула.

— Пока.

Тарг не ожидал, что она согласится. Ему легче было бы спорить с ней, если бы она сказала что-то мягкое. Но Сая редко давала людям лёгкий спор.

Он посмотрел внутрь полуземлянки. На мать. На маленькую грудь под шкурой. На тёплый камень у ребёнка сбоку.

— Если придёт ещё один свёрток, — сказал он, — она возьмёт.

Сая ответила не сразу.

— Да.

Хад поднял голову.

Он услышал.

Его лицо в темноте было почти невидно, но я почувствовал, как он стал другим. Словно слова Саи не ударили по нему, а подтвердили то, за что он уже ненавидел себя.

— Я тоже взял бы, — сказал Хад.

Тарг резко повернулся к нему.

Хад не отвёл взгляда.

— Ты бы сжёг соль, если бы это был не твой ребёнок, — сказал он. — Я бы тоже. У общего огня все сильные.

Тарг сделал шаг.

Я встал между ними раньше, чем понял, что двинулся.

Не поднял руку. Просто оказался там.

Тарг посмотрел на меня сверху вниз. Его дыхание было тяжёлым, но он остановился.

Хад продолжал сидеть. Это было умно. Сидящий человек говорит хуже для драки. На него труднее броситься без стыда.

— У общего огня все сильные, — повторил Хад тише. — А у входа, где ребёнок не дышит, сила другая.

Никто не ответил.

Изнутри донёсся короткий кашель. Все повернулись туда. Даже Тарг.

Мальчик вдохнул, выдохнул, снова затих.

Мать не шевельнулась. Только её ладонь медленно поднялась и снова легла ему на грудь.

Тарг плюнул в снег.

Не от презрения. От бессилия.

— Тогда верните им это, — сказал он. — До того как они придут за вторым.

— Вернём, — сказал я.

Сая посмотрела на меня.

Тарг тоже.

Я не планировал говорить это так быстро. Но иногда решение выходит раньше мысли, потому что мысль уже давно ходила внутри и искала дверь.

— Утром, — сказал я. — При всех.

— Не тайно? — спросила Сая.

— Если тайно, счёт будет их.

— А если при всех?

Я посмотрел на кость с солью.

— Тогда хотя бы спор будет наш.

Сая опустила глаза.

Она не сказала, что этого достаточно.

Потому что этого не было достаточно.

К утру стоянка проснулась раньше света.

На самом деле никто по-настоящему не засыпал. Просто люди меняли позы, выходили к огню, возвращались в полуземлянки, подбрасывали сырые ветки, сушили обмотки, слушали кашель. Ночь прошла не сном, а ожиданием следующего звука.

Снег перестал сыпать, но небо осталось низким. Серый свет пришёл медленно, будто тоже не хотел входить в эту стоянку. Ветер сменился. Дым теперь шёл не в лес, а вдоль земли, к нижнему ручью.

Плохой знак, сказала бы старуха.

Я уже не спрашивал.

У общего огня Арк велел расчистить снег.

Не много. Круг размером с растянутую шкуру. Земля под снегом была промёрзшая, тёмная, с вдавленными углями и мелкими костями. Сая принесла остаток соли на нашей светлой кости. Я принёс южную полоску с зарубкой. Нор положил рядом петлю, найденную вчера у воды. Варг бросил пучок горькой травы. Хад вынес маленький знак своего рода — кусок рога с вырезанной ломаной линией.

Он сделал это неохотно.

Я видел, как он держит рог. Слишком крепко.

Для него это был не предмет. Это была попытка общего круга взять его личную боль и положить её на землю, где все могут смотреть.

— Не хочу, чтобы мой сын лежал у вас на кости, — сказал он.

Арк посмотрел на него спокойно.

— Он не лежит.

— Его дыхание уже здесь.

Никто не сказал, что это неправда.

Сая опустилась на корточки и положила рядом свой знак: маленькую кость с тремя грубыми линиями — травы, котёл, рука. Я впервые увидел, что её пальцы задержались на ней. Не из-за страха. Из-за отвращения к тому, что её работа теперь тоже стала вещью, которую нужно класть и показывать.

Потом Арк положил свой знак.

Тяжёлый, старый, потемневший от жира и дыма.

Молодые Тарга стояли чуть дальше. Харн среди них не стоял. Он был сбоку, ближе к Нору. Не по праву. По вчерашней задаче. Это ещё никто не обсуждал, но люди уже видели.

Тарг стоял у своего края круга, скрестив руки на груди.

— Говори, — сказал Арк мне.

Я не любил эти моменты.

В прошлой жизни люди думали, что слова решают, потому что за словами стояли бумаги, печати, приказ, связь, оружие, государство, законы, камеры, суды, чужие руки. Здесь за словами стояли только те, кто согласится потом мерзнуть, драться и делить мясо так, как ты сказал. Слово здесь было легче и тяжелее одновременно.

Я взял южную полоску с одной зарубкой и положил рядом с остатком соли.

— Юг дал соль, — сказал я. — Мы это видели.

Люди молчали.

— Сая взяла не тайно. При всех. Для ребёнка Хада. Круг это видел.

Мать ребёнка стояла у входа в полуземлянку. Она не подходила. Одной рукой держалась за край шкуры, другой прижимала к груди маленькую тряпку. Наверное, ту, которой ночью вытирала сыну рот.

— Если это оставить так, — продолжил я, — Юг скажет: мать взяла. Или Хад взял. Или Сая взяла. Или Арк позволил. Или Тарг не удержал. Они выберут тот счёт, который им нужен.

Тарг чуть поднял подбородок.

Ему не нравилось, что его имя попало в этот ряд. Но он понимал.

Сая положила перед собой маленький кусок сушёного мяса из общего запаса. Потом костяную иглу. Хорошую. Не новую, но ровную, прочную, с чистым отверстием. Затем небольшой кусок меха, мягкий, годный для детской обуви или перевязки.

Хад смотрел на эти вещи всё мрачнее.

— Это не благодарность, — сказала Сая.

Её голос был ровным. Люди сразу стали слушать внимательнее. У Саи был особый дар: когда она говорила тихо, становилось слышно не меньше, а больше.

— Не дар. Не просьба. Не личное слово матери. Не долг ребёнка. Это ответ круга на вещь, которую круг видел.

Старуха кивнула.

Не потому что полностью согласилась. Потому что формула была правильной.

Тарг сказал:

— Ответ — это уже путь к ним.

— Молчание тоже путь, — сказала Сая. — Только они будут вести.

Хад поднял свой знак.

— Почему здесь мой рог?

— Потому что соль лежала у твоего входа, — сказал я.

— Значит, они уже взяли мой вход.

— Они попытались.

— Ты говоришь мягко.

— Да.

Хад медленно положил рог обратно.

— Не говори мягко.

Я посмотрел на него.

Ему нужна была не правда. Правда уже стояла перед ним на снегу. Ему нужно было, чтобы кто-то не прятал её за умными словами.

— Они ударили в твой вход, — сказал я. — В твоего ребёнка. В Саю. В общий огонь. И если мы сейчас ответим плохо, они получают не соль назад. Они получают тебя отдельно от нас.

Хад молчал.

Потом посмотрел на мать ребёнка.

Она не смотрела на него. Она смотрела на остаток соли.

Это было хуже любого ответа.

— Тогда делайте, — сказал Хад.

Не согласие.

Разрешение, которое болело.

Мы собрали ответный свёрток при всех.

Мясо. Мех. Игла. Наша кость. Знаки: Арк, Хад, Сая, общий огонь. Без знака матери. Сая настоящая. Мать не должна была стать тем, кто отвечает Югу. Она уже и так была местом, куда Юг положил руку.

Когда свёрток завязали, Тарг шагнул вперёд.

— Я иду.

Арк ответил сразу:

— Нет.

В этот раз Тарг не повернулся медленно. Он будто ждал этого.

— Это моя дорога тоже.

— Да, — сказал Арк. — Поэтому ты остаёшься у огня.

Молодые Тарга зашевелились.

Арк даже не посмотрел на них. Старик умел не кормить чужой шум взглядом.

— Вчера ты хотел бежать к ручью, — сказал он. — Сегодня Юг хочет, чтобы ты снова бежал. Если ты уйдёшь, твои будут смотреть в лес. Если останешься, они будут смотреть на тебя.

Тарг сжал кулаки.

— Я не старая стойка для мяса.

— Нет, — сказал Арк. — Стойка ломается молча.

Несколько молодых опустили глаза.

Тарг услышал не оскорбление. Приказ.

И то, что приказ был прав.

Он посмотрел на меня. Потом на Нора, Варга, Харна. На Эра — молодого мужчину из людей Хада, который вышел сам и встал рядом со свёртком. Эр был братом матери ребёнка или близким ей человеком; я не был уверен, но видел, как он всю ночь носил воду к их входу. Этого было достаточно.

— Он пойдёт? — спросил Тарг, кивнув на Харна.

— Пойдёт, — сказал я.

Харн не поднял головы.

Тарг подошёл к нему.

Между ними было меньше вытянутой руки, но эта рука ещё могла быть ударом.

— Ты хотел тайный металл, — сказал Тарг. — Теперь понесёшь открытый ответ.

Харн кивнул.

— Да.

— Не “да”. Смотри. Всё время смотри. Если увидишь знак — говори. Если увидишь красное — не тянись. Если испугаешься — тоже говори. Лучше страх у своего огня, чем смелость в южной петле.

Харн поднял глаза.

В них не было благодарности.

Была боль от того, что ему дали дело, но не вернули место.

Иногда это почти одно и то же. Иногда нет.

Мы вышли к нижнему ручью, когда свет стал жёстче.

Не ярче. Именно жёстче.

Снег перестал быть серым и сделался плоским. На нём стало видно каждую неровность, но не всегда понятно, что она значит. Под верхним мягким слоем держалась ледяная корка. Где корка была целой — шаг звучал глухо. Где под ней стояла вода — снег проседал без звука. Это было хуже. Звук предупреждает. Тишина берёт ногу сразу.

Нор шёл первым, но не прямо по вчерашнему следу. Он петлял. Иногда возвращался на три шага. Иногда уходил в сторону и смотрел не под ноги, а на ветки.

Варг держался ниже, ближе к ручью. Его зверь шёл за ним без рыка, с опущенной головой. Не нюхал снег постоянно, а будто спрашивал воздух короткими вдохами.

Эр шёл рядом с Харном.

Не близко.

Между ними оставалось место для недоверия.

Эр был старше Харна на несколько зим, шире в плечах, спокойнее в движениях. У него была та сдержанная злость людей Хада, которые ещё вчера не знали, станут ли они частью нашего круга, а сегодня уже вынуждены были отдавать своего человека на нашу дорогу.

Он смотрел на Харна так, будто видел не молодого, а красный наконечник у общего огня.

Харн это чувствовал.

Ничего не говорил.

Ответный свёрток нес я.

Не потому что был сильнее. Потому что хотел чувствовать его вес.

Он был лёгкий.

Слишком лёгкий для того, что должен был закрыть.

Мы шли не отдавать благодарность. Мы шли помешать благодарности вырасти зубами.

У ручья ветер стал холоднее. Вода в середине шла открытая, чёрная, тихая. Там, где она касалась льда у берега, слышался тонкий скрежет. Будто кто-то под водой точил камень.

Нор присел у первого корня.

— Вчерашнее место не тронуто, — сказал он.

— Это плохо? — спросил Эр.

— Всё плохо, пока не знаешь, почему.

Он пошёл дальше.

На снегу у камня лежала новая метка.

Маленькая кость. Её почти засыпало. Если бы Нор не остановился, мы бы прошли мимо.

Я поднял руку.

Все замерли.

На кости была одна зарубка. Рядом короткая линия, похожая на вход. Не дом. Не пещера. Именно вход. Низкий. Детский. Тот, куда взрослому надо пригнуться.

Эр выдохнул сквозь зубы.

— Они опять про него.

Он сделал шаг к кости.

— Стой, — сказал Харн.

Голос у него сорвался, но слово вышло вовремя.

Эр застыл.

Харн смотрел не на кость. На снег перед ней.

— Он ровный, — сказал он.

Эр зло повернул голову.

— Снег и должен быть ровным.

— Не здесь.

Нор медленно опустился на одно колено.

Посмотрел.

Потом взял длинную палку и коснулся белого места перед камнем.

Сначала ничего не произошло.

Эр уже хотел что-то сказать.

Тогда Харн протянул руку и чуть сдвинул палку в сторону.

Снег провалился одним куском.

Под ним была вода.

Не глубокая яма. Хуже. Подрезанный край льда, прикрытый снегом и тонкими ветками. Рядом — кожаная петля, вмороженная в корку. Если бы Эр наступил туда, нога ушла бы в воду, петля схватила бы голень, а второй шаг добил бы край.

Эр медленно отступил.

Не поблагодарил.

Но отступил туда, куда показал Харн.

Нор посмотрел на Харна.

— Видел хорошо.

У Харна дрогнула скула.

Больше ему пока было не нужно.

В этот момент из леса ударил камень.

Я слышал не свист, а звук, с которым кора взорвалась у моего лица. Мелкие щепки ударили в щёку, одна попала под глаз. Я упал вниз не думая. Правильно не думать, когда тело уже знает, что сверху нельзя оставаться.

— Ниже! — крикнул я.

Нор скатился за камень. Варг ушёл боком, как будто его просто сдуло ветром. Эр схватился за копьё и рванулся к лесу.

Харн ударил его древком в грудь.

Не сильно. Достаточно.

— Ложись!

Эр хотел ударить в ответ. Потом второй камень ударил по льду рядом с ним, и он лёг сам.

Из леса никто не вышел.

Только ветка качнулась между елями.

Потом ещё одна.

Малая фигура мелькнула и исчезла.

Харн поднялся на одно колено.

— Я могу—

— Нет, — сказал я.

— Он уйдёт.

— Он и должен уйти.

Харн не понял. Эр тоже.

Но Нор понял. И Варг.

Варг низко сказал:

— Бегунок.

Да.

Не воин. Не посол. Не тот, кто решает. Тот, кто несёт знак, бросает кость, смотрит, как люди движутся, и убегает так, чтобы за ним захотели идти.

Я видел таких людей в другой жизни. У них были другие слова, другая одежда, другие средства связи. Но функция та же. Приманка с ногами.

Фигура снова мелькнула ниже, у ручья.

Подросток.

Четырнадцать, может быть пятнадцать зим. Северное тело. Узкие плечи, быстрые ноги, привычка пригибаться под ветками. Но на поясе у него висел южный зуб — маленькая красная пластина, слишком яркая на сером меху.

Он посмотрел на нас.

Не испуганно.

Ожидаяще.

Потом бросил что-то на лёд и побежал вниз по ручью.

Харн сорвался первым.

На этот раз я не остановил его сразу. Нор уже двигался параллельно, не по льду, а по камням. Варг ушёл выше через кусты. Я побежал не за мальчишкой, а туда, куда он должен был свернуть, если не хотел провалиться.

Эр бежал за Харном.

Плохо бежал. Слишком зло.

— Не на лёд! — крикнул Нор.

Бегунок, будто услышав, метнул за спину несколько маленьких костей. Они рассыпались по льду, ударились, заскользили. Одна остановилась у камня. Другая ушла к воде. Третья провалилась в чёрную промоину и исчезла.

Харн остановился так резко, что едва не упал.

Он смотрел на кость у промоины.

На ней был знак. Я не видел какой, но он видел.

Бегунок уже уходил.

Харн бросил взгляд на него. Потом на кость.

И выбрал кость.

Он лёг на лёд животом, распластав руки.

— Харн! — рявкнул Тарг бы, если бы был здесь.

Но Тарга не было.

Я успел схватить Харна за ремень.

Эр, матерясь, схватил меня за плечо. Нор упал рядом и протянул древко поперёк льда. Варг уже был выше, между нами и лесом, на случай второго камня.

Харн вытянул руку к промоине.

Лёд под ним хрустнул.

Он не дёрнулся.

Пальцы ушли в воду.

В такой воде рука сначала горит, потом исчезает. Это происходит быстро. Быстрее, чем человек успевает понять, что он уже платит.

Харн зашипел.

— Брось, — сказал я.

Он не бросил.

Пальцы поймали кость.

Лёд снова хрустнул, на этот раз громче.

Мы рванули его назад втроём.

Харн вылетел на снег, прижимая руку к груди. Кость была у него в кулаке. Кулак он не мог разжать.

Бегунка уже не было.

В лесу коротко звякнула подвеска. Один раз. Потом тишина.

Нор плюнул.
— Ушёл.
Я смотрел на Харна.
Его правая рука была мокрой до запястья. Кожа сразу побелела, потом пошла пятнами.
Он пытался разжать пальцы, но они не слушались.
— Снимай, — сказал я.
Он не понял.
— Обмотку с руки. Быстро.
Эр подался вперёд, потом остановился. Между ним и Харном ещё стояла прежняя злость.
Она не исчезла только потому, что один спас другого от ловушки.
Потом Эр выругался, сел рядом и начал разматывать мокрый ремешок с запястья Харна.
— Держи, — сказал он грубо.
Харн держал.
Не крикнул, когда Эр растёр ему пальцы снегом.
Не крикнул, когда Нор завернул руку в сухой кусок меха.
Не крикнул, когда боль вернулась.
Это было плохо. Иногда крик лучше. Значит, человек ещё в теле.
— Пальцы чувствуешь? — спросил я.
Харн кивнул.
— Все?
Он помолчал.
— Не знаю.
Эр посмотрел на него иначе.
Совсем немного.
Не как на своего. Не как на прощённого. Просто как на человека, который только что заплатил кожей за знак.
Я разжал его кулак.
Кость была маленькая, плоская, с отверстиями от жилы. На ней — знак детского входа.
Знак Саи. И короткая зарубка рядом с пустым местом.
Не одна кость.
Часть связки.
Мы вернулись к месту, где бегунок бросил остальные.
Собирали их долго.
Нор нашёл две под снегом. Варг одну у корня. Эр поднял ту, что застряла у камня. Я достал ещё одну из кустов, где она повисла на сухой траве. Харн пытался помогать одной рукой, но Нор оттолкнул его.
— Смотри глазами, — сказал он. — Рукой уже посмотрел.
Харн сел на корень и смотрел.
Никто не смеялся.
Когда связка легла перед нами на плоском камне, стало понятно: Юг бросил не сообщение. Юг бросил нас самих, разобранных на маленькие части.
Одна кость — детский вход.
Одна — знак Саи.
Одна — знак Хада. Не точный, но достаточно похожий: ломаная линия рода.
Одна — три короткие насечки рядом с длинной: молодые Тарга.
Одна — волчий след.
Одна — круги на земле.
Мой знак.

Я не помнил, чтобы давал кому-то такой знак. Но кто-то видел, как я рисовал на снегу круг, дороги, огни, ловушки. Кто-то смотрел достаточно долго, чтобы понять: я думаю кругами.

Последняя кость была пустой.

Гладкой.

Без имени.

Без рода.

Без входа.

Только место для зарубки.

Эр первым нарушил тишину:

— Для кого?

Никто не ответил.

Варг наклонился и понюхал пустую кость.

— Руки разные, — сказал он.

— Что?

— Не один резал.

Я посмотрел внимательнее.

Он был прав.

Знаки сделаны разной силой. Детский вход — тонкой рукой. Волчий след — грубее. Мой знак — аккуратнее, почти слишком аккуратно. Пустая кость — гладкая, приготовленная заранее.

— Они считают не соль, — сказал я.

Слова вышли сами.

Нор поднял глаза.

— А что?

Я посмотрел на знак Саи, на знак Хада, на молодых Тарга, на волчий след, на свой круг.

— Кто дрогнет первым.

Харн сидел на корне, прижимая руку к груди. Лицо у него было серое.

— А пустая?

Я взял пустую кость двумя пальцами.

Она была легче остальных. Или мне так показалось.

— Для того, кто сам войдёт.

Эр сплюнул.

— Говоришь как старуха.

— Старуха сказала бы хуже.

Нор тихо хмыкнул. Не весело.

Мы не стали идти за бегунком.

Это было самым трудным решением дня.

Иногда не идти за врагом тяжелее, чем идти. Тело хочет движения. Злость хочет следа. Страх хочет догнать того, кто видел тебя слабым. Но Юг оставил бегунка не как человека. Как направление. И если бы мы пошли, мы бы уже отвечали ногами на чужой счёт.

Мы сделали то, зачем пришли.

Но не там, где Юг хотел.

Не у детского знака. Не у петли. Не у промоины, куда Харн сунул руку. Не на старом месте свёртка.

Нор нашёл открытый камень выше ручья. Его было видно с трёх сторон: с берега, с низких елей и с звериного прохода. Подойти к нему тайно было трудно. Уйти от него тайно — тоже.

Мы положили ответный свёрток туда.

Мех.

Иглу.

Мясо.

Нашу кость.

Знаки были видны. Узел завязан просто. Никакой тайны. Никакой просьбы.

Сая сказала бы лучше, если бы была здесь.

Я сказал как умел:

— Видели. Использовали при всех. Отвечаем при всех. Долг закрыт нашим кругом.

Слова ушли в мокрый лес.

Лес ничего не ответил.

Варг постоял, слушая.

— Смотрят, — сказал он.

— Где?

— Не знаю.

Он не любил таких ответов. Поэтому я поверил сильнее.

Мы ушли, не оглядываясь сразу.

Оглянулись позже.

Свёрток всё ещё лежал на камне.

От этого легче не стало.

На обратном пути Харн начал дрожать.

Сначала чуть-чуть. Потом сильнее. Он пытался скрыть, но тело плохо хранит гордость, когда в него входит ледяная вода. Пальцы правой руки почти не сгибались. Нор заставил его держать руку под мышкой. Эр отдал ему кусок сухого меха, будто бросил.

— Возьми.

Харн взял.

— Вернёшь, — сказал Эр.

— Верну.

— Если пальцы останутся.

Харн посмотрел на него.

Эр отвёл глаза.

Это не было дружбой.

Но уже не было тем, с чем они вышли утром.

У стоянки нас встретили не крики, а взгляды.

Люди всегда знают по походке, принёс ли ты победу. Мы не принесли победу. Мы принесли кости, мокрую руку Харна и ответ, который могли не принять.

Тарг стоял у общего огня.

Он сразу увидел руку Харна.

Не кости. Не меня. Не Эра. Руку.

Харн подошёл и остановился перед ним.

Нор хотел говорить, но Тарг поднял ладонь.

Он сам взял запястье Харна.

Не мягко. Но осторожно.

Развернул руку, посмотрел на пальцы. Те были красные, отёкшие, белые у ногтей. Хорошо, что красные. Белые до конца были бы хуже.

— В воде? — спросил Тарг.

— Да.

— Зачем?

Харн открыл ладонь.

На ней лежала кость.

Тарг посмотрел на знак. Потом на Харна.

— Видел?

— Видел.
Тарг держал его запястье ещё мгновение.
Потом отпустил.
— Значит, скажешь молодым.
Харн не сразу понял.
— Что?
— Как снег лежит. Как лёд режут. Как кость бросают, чтобы ты сунул руку туда, куда они хотят. Всё скажешь. Без красивого.
Харн кивнул.
— Скажу.
Тарг отвернулся к молодым.
— Слушать будете его.
У нескольких лица изменились.
Не сильно. Но изменились.
Харн стоял с мокрой рукой, болью в пальцах и задачей, которая была больше прощения.
Я видел, как он это понял.
И как испугался.
Кости разложили у общего огня.
Сая пришла из полуземлянки Хада. На лице у неё было то же спокойствие, но под глазами легла серая тень. Ночь без сна не проходит даже мимо тех, кто умеет держаться.
Мать ребёнка не вышла.
Хад вышел.
Арк сел на старый камень. Старуха устроилась рядом с костями, не касаясь их. Варг стоял за кругом. Нор присел на корточки. Тарг остался на ногах. Эр встал возле Хада, будто теперь имел право там стоять не только по роду, но и по дороге.
Я раскладывал кости одну за другой.
— Детский вход, — сказала Сая.
Никто не спорил.
— Мой знак.
Она взяла кость со своим знаком, подержала, положила обратно.
— Знак Хада, — сказал Арк.
Хад молча сжал зубы.
— Молодые, — сказал Тарг, когда я положил кость с тремя короткими насечками.
Его голос не дрогнул.
Но молодые за его спиной стали тише.
— Волчий след, — сказал Варг.
Он не наклонился. Только посмотрел. Для него этого было достаточно.
Я положил кость с кругами.
Сая взглянула на меня.
— Твой.
— Теперь, видимо, мой.
— Они смотрели, как ты рисуешь, — сказал Нор.
— Да.
Это было неприятнее, чем если бы они просто следили за мной в лесу.
Когда враг видит твой след — это охота.
Когда враг видит, как ты думаешь, — это уже другое.
Я положил последнюю кость.
Пустую.
Старуха втянула воздух сквозь зубы.

— Плохая.

— Почему? — спросил Эр.

— Потому что ждёт.

Хад устало посмотрел на неё.

— Всё у тебя ждёт.

Старуха не обиделась.

— Не всё. Мёртвое не ждёт. Это ждёт.

Сая сидела очень прямо.

— Это может быть мать, — сказала она.

Хад резко повернулся к ней.

— Что?

— Не говорю, что будет. Говорю, что может. Кто тайно возьмёт следующую соль. Кто понесёт ответ. Кто первым скажет, что круг медленный. Кто устанет ждать. Пустое место удобно. В него можно положить любого.

Тарг смотрел на кость так, будто хотел раздавить её каблуком.

— Положим туда их бегунка, когда поймает.

— Тогда это всё равно будет их место, — сказал я.

Он поднял на меня тяжёлый взгляд.

— Значит, что?

Я не ответил сразу.

Потому что хорошего ответа не было.

Северный счёт только рождался. Южный уже ходил, бросал кости, ставил петли, считал входы, людей, руки, голод, имя, страх, гордость. Мы учили язык под ударом тех, кто на нём уже торговал.

Сая взяла нашу ответную кость, которую мы сделали утром, и положила рядом с пустой южной.

— Нельзя просто отказать чужому счёту, — сказала она. — Надо держать свой.

— Держи, — сказал Хад.

Это прозвучало резко.

Сая посмотрела на него.

— Я держу.

— Тогда почему они знают моего ребёнка лучше, чем мы знали их соль?

Воздух вокруг огня стал острым.

Хад сам понял, что сказал. Но не забрал.

Сая не побледнела. Не отвернулась. Не сделала вид, что это только боль отца.

— Потому что они смотрели раньше, — сказала она. — А мы поверили, что после ножа они будут снова идти с ножом.

Арк медленно кивнул.

Вот что было худшим.

Не ошибка Саи. Не слабость Хада. Не злость Тарга. Не моя поздняя схема.

Мы все ждали привычной угрозы.

Юг пришёл через помощь.

Из полуземлянки донёсся кашель.

Один раз.

Потом второй.

Потом длинный, тяжёлый, с хрипом, от которого мать ребёнка вскрикнула уже не найдя, как вчера Луг, а чистым страхом.

Сая вскочила.

Хад был у входа раньше неё.

Я пошёл следом, но снова остановился снаружи. Внутри стало тесно. Старуха протиснулась внутрь, держа мешочек с травами. Мать ребёнка говорила что-то быстро, сбивчиво, почти без слов. Мальчик кашлял, захлёбываясь воздухом.

Тарг подошёл к входу, но не стал мешать.

Эр стоял рядом со мной. Его лицо стало пустым.

— Он же лучше был, — сказал он.

Никто не ответил.

Внутри Сая говорила коротко:

— Камень. — Не так близко. — Воду. — Подними его. — Нет, не держи грудь. — Дай мне.

Кашель не сразу утих.

Когда он наконец стал тише, это не принесло облегчения. После сильного кашля тишина всегда сначала похожа на смерть.

Хад вышел наружу, чтобы не раздавить кого-нибудь внутри. Он упёрся руками в колени, низко опустил голову и дышал так, будто сам только что кашлял.

Потом изнутри вышла мать.

Она не должна была выходить. Это было видно. Её место было там, рядом с ребёнком. Но она вышла, как человек, которого вытолкнула одна мысль.

Она посмотрела не на Хада.

Не на Арка.

Не на меня.

На Саю.

Сая стояла у входа, с мокрым мхом в руке.

Мать сказала тихо:

— Там была ещё соль.

Все слышали.

Даже те, кто стоял далеко.

Тарг закрыл глаза.

Хад медленно выпрямился.

Я почувствовал, как что-то внутри общего круга дало трещину. Не громко. Не так, чтобы все бросились друг на друга. Хуже. Тихо. Как лёд у берега, который ещё держит снег, но уже не держит человека.

Мать не сказала: “Возьмите у них”. Не сказала: “Юг прав”. Не сказала: “Ваш счёт ничего не стоит”. Не сказала: “Мне плевать на круг”.

Она сказала только то, что знала телом.

Там была ещё соль.

И никто не мог назвать её предателем.

Сая смотрела на неё долго.

Потом сказала:

— Я знаю.

От этого стало ещё хуже.

Мать кивнула, будто получила не ответ, а подтверждение, что мир действительно устроен жестоко.

Она вернулась внутрь.

Хад хотел пойти за ней, но остановился. Потом ударил кулаком по притолоке полуземлянки. Не сильно. Так, чтобы не сломать. Так, чтобы боль осталась в руке.

Тарг повернулся и ушёл к своим молодым.

Не сказал ни слова.

Арк сидел у огня и смотрел на пустую кость.

Сая вошла обратно к ребёнку.

Я остался снаружи.

На снегу лежали южные кости, наши знаки, остаток соли, мех, мясной запах, дым и всё, что мы ещё не умели удержать.

К вечеру мальчик снова дышал ровнее.

Опять не хорошо.

Опять ровнее.

Сая не взяла остаток соли. Она использовала жир, горячую воду, тёплый камень, траву, которой было почти не осталось. Может быть, это помогло. Может быть, кашель сам отступил на время. Может быть, ребёнок просто устал бороться и теперь тело делало вид, что отдыхает.

Никто не знал.

И именно поэтому все думали о соли.

Харну растирали руку у малого огня.

Старуха велела держать пальцы не слишком близко к жару. Он терпел. Молодые Тарга сидели вокруг и слушали, как он рассказывал про лёд. Плохо рассказывал. Сбивался. Показывал здоровой рукой, где снег был слишком ровный, как петля лежала под коркой, как бегунок бросил кости.

Тарг сидел чуть дальше, не вмешивался.

Когда один из молодых спросил, почему Харн полез рукой в воду, Харн ответил:

— Потому что я уже один раз взял красное, не спросив. Теперь хотел взять кость раньше воды.

Молодые замолчали.

Тарг поднял глаза.

Ничего не сказал.

Но остался.

Поздно ночью Нор разбудил меня без слова.

Просто коснулся плеча.

Я открыл глаза сразу. В этом мире люди быстро учатся просыпаться не от шума, а от того, как к тебе прикасаются.

— Ручей, — сказал он.

Я встал.

Сая сидела у входа в полуземлянку Хада. Она не спала. Посмотрела на нас, но не спросила. Я жестом показал: тихо. Она кивнула.

Тарга мы не будили.

Не потому что не доверяли. Потому что если он встанет, поднимутся его молодые. Если поднимутся молодые, Юг получит то, чего хотел: каждый знак станет толпой.

Нор и я пошли вдвоём. Варг догнал нас у края стоянки, будто уже ждал в темноте.

— Я слышал, как ты встал, — сказал он.

Я не стал спрашивать, как.

Ночь была мокрая. Снег не падал, но воздух был полон воды. Лес стоял близко, чёрный, с редкими серыми просветами между стволами. Под ногами снег уже не хрустел. Он проминался и шептал.

У ручья было темнее.

Вода подо льдом звучала громче, чем днём.

Мы подошли к открытому камню, где оставили ответный свёрток.

Сначала я решил, что он на месте.

Потом понял: нет.

Меха не было. Мяса не было.

Костяная игла лежала отдельно, воткнутая в снег остриём вниз.

Нашу ответную кость не забрали. Её повернули обратной стороной.

Рядом лежала новая южная полоска.

На ней были две зарубки.

Не одна.

Две.

Нор присел, но не коснулся.

— Свежая.

Варг понюхал воздух.

— Были двое. Один малый. Один старший.

— Давно?

— После темноты. Не сейчас.

Я смотрел на две зарубки.

Первая могла быть солью.

Вторая — нашим ответом.

Или временем, которое мы ждали.

Или рукой Харна в воде.

Или словами матери.

Или тем, что мы пришли ночью смотреть, взяли они наш ответ или нет.

Юг не объяснял счёт.

Юг просто добавлял зарубку.

Я поднял нашу кость.

На обратной стороне, той, которую они повернули вверх, была тонкая новая царапина. Не полноценный знак. Не линия долга. Скорее насмешка. Или поправка. Или чужой палец, проведённый по нашему слову.

Мы хотели сказать: долг закрыт нашим кругом.

Они ответили: вы начали платить.

Нор тихо сказал:

— Иглу не взяли.

Да.

Мясо взяли. Меха взяли. Иглу оставили.

Я понял не сразу.

Потом стало холоднее.

Игла — работа рук. Сая положила её как знак труда, ухода, шитья, лечения, жизни после спасения.

Юг взял то, что кормит и греет.

Оставил то, что говорит: ваши руки нам пока не нужны.

Или наоборот.

Оставил иглу как будущую просьбу.

Слишком много значений.

В этом и была сила.

— Уходим, — сказал я.

— Заберём? — спросил Нор.

Он имел в виду южную полоску.

Я хотел сказать да. Потом остановился.

Если заберём тайно — принесём их счёт к нашему огню. Если оставим — позволим ему лежать здесь и ждать следующего взгляда. Оба решения были плохими.

Я наклонился и взял полоску.

Плохое решение, которое понимаешь, иногда лучше плохого, которое делаешь вслепую.

На обратном пути ручей звучал за спиной так, будто кто-то считал камни под водой.

Когда мы вернулись, Сая всё ещё сидела у входа.

Она посмотрела на мою руку.

Увидела полоску.

Не спросила, сколько зарубок.

Я показал.

Две.

Она закрыла глаза.

Только на мгновение.

Из полуземлянки донёсся вдох ребёнка. Хриплый, живой, недостаточный.

У общего огня Арк спал сидя. Или делал вид. Тарг лежал рядом со своими молодыми, но его рука была на копье. Хад сидел у входа в свою полуземлянку, спиной к нам. Он не обернулся.

Я положил южную полоску рядом с первой.

Одна зарубка.

Две.

Сая тихо сказала:

— Они взяли?

— Мясо и мех.

— Иглу?

— Оставили.

Она посмотрела на свои руки.

Долго.

Потом спрятала их под шкуру, будто им стало холодно.

Я сел рядом с костью.

Теперь у нас было две южные полоски, пустая кость, наш непризнанный ответ, больной ребёнок, мать, которая помнила соль, Харн с обожжёнными холодом пальцами, Тарг, который учился не бежать, Хад, который уже знал, что общий круг может быть слишком медленным, и Сая, через чьи руки Юг продолжал входить к нашему огню.

Мы пытались вернуть долг.

А Юг уже записал, что мы начали платить.

Глава 3 "Мясо до темноты"

Мясо до темноты

К утру стоянка пахла не дымом.

Не мокрыми шкурами. Не старым жиром. Не человеческим дыханием, которое за ночь оседает на стенах полуземлянок и к рассвету становится почти вещью.

Она пахла чужой солью.

Соли было мало. Щепоть, почти ничего. Она лежала у общего огня на нашей светлой кости, как и велела Сая, и никто не мог сказать, что она спрятана. Все видели её. Все знали, сколько осталось. Все знали, что часть уже ушла в отвар ребёнку Хада. Все знали, что после этого мальчик стал дышать ровнее.

И от этого соли стало больше.

Она лежала не только на кости.

Она лежала в глазах матери ребёнка, когда та откидывала шкуру у входа и смотрела наружу. Не на лес. Не на людей. На то место, где был первый свёрток.

Она лежала в молчании Хада, который с рассвета точил каменный нож о плоский серый камень и уже давно не точил, а просто скрёб, скрёб, скрёб, будто хотел стереть звук из собственной головы.

Она лежала у молодых Тарга. Они смотрели не на красный наконечник, не на кости счёта, не на Харна с распухшими после ледяной воды пальцами. Они смотрели туда же, куда мать.

К детскому входу.

Сая вышла из полуземлянки Хада, когда дым ещё шёл вдоль земли.

Лицо у неё было серое, как утренний снег у огня. Не от страха. От ночи без сна. От дыхания ребёнка, которое всю ночь то отпускало, то снова цеплялось за горло. От того, что у неё оставалось всё меньше трав, а люди всё больше смотрели на её руки так, будто руки могли заменить мясо, тепло и время.

Она остановилась у общего огня и посмотрела на соль.

Потом на меня.

— Он жив, — сказала она.

Этого оказалось достаточно, чтобы несколько человек выдохнули.

Но Сая не закончила.

— Пока.

Слово стало уже знаком. Мы слышали его ночью. Слышали у входа. Слышали в споре с Таргом. Теперь оно стояло между нами и днём.

Пока жив. Пока соль не закончилась. Пока мать ещё не просит вслух. Пока Юг не положил второй свёрток. Пока мы ещё можем сделать что-то раньше него.

У мясных досок женщины работали молча.

Мяса почти не было.

Старые полосы, потемневшие от дыма и холода, резали тонко, длинно, почти прозрачно. Ножи скребли по дереву. Кости, из которых уже выбили мозг, всё равно раскалывали снова, будто внутри мог остаться ещё один белый комок, спрятавшийся от голода. В котле у огня кипела вода с жирными кругами на поверхности. Жирных кругов было мало. Воды много.

Дети стояли рядом слишком тихо.

Ребёнок, который голоден по-настоящему, сначала просит. Потом злится. Потом перестаёт мешать взрослым и смотрит.

Я не любил, когда дети смотрят так.

Тарг подошёл к мясной доске, взял одну полоску, посмотрел на свет и бросил обратно.

— Это не еда.

Женщина, резавшая мясо, не подняла глаз.

— Тогда принеси еду.

Он хотел ответить. Уже набрал воздух.

Потом сжал челюсть и промолчал.

Это тоже было новым.

Раньше Тарг отвечал быстрее, чем думал. Иногда правильно. Часто — громко. Теперь он начал задерживать слово в себе. От этого ему было хуже, чем тем, кто слышал бы его крик.

Арк собрал малый круг у общего огня.

Не весь народ. Только тех, кто должен был видеть запас и не врать себе.

Сая принесла мешочек с травами и высыпала содержимое на кусок шкуры.

Плохой жест.

Когда лекарь показывает всё, что у него осталось, значит, он уже говорит не о лечении, а о времени.

На шкуре лежали сухие корешки, горькая трава, немного чёрных семян, несколько стеблей, которые старуха вчера ещё назвала бы пригодными, а сегодня только покрутила между пальцами и бросила обратно. Рядом Сая положила кусок старого жира размером с большой палец, две полосы сушёного мяса, маленькую косточку с остатком мозга и плоский камень, на котором лежала соль.

Хад смотрел на всё это, будто ему показывали его сына, только разложенного на части.

— Ему нужен жир, — сказала Сая. — Горячий бульон. Мясо. Тепло. Травой я могу держать его грудь. Не кормить её.

— Есть остаток соли, — сказал один из людей Хада.

Он сказал это тихо.

Но все услышали.

Тарг повернулся к нему.

— Соль не мясо.

Человек Хада не опустил глаз.

— Но после неё он дышал.

Тарг шагнул было к нему, но Хад поднял руку.

— Он сказал то, что все думают, — сказал Хад. — Только раньше других.

Арк сидел неподвижно.

Ветер нёс дым ему в лицо, но он не щурился. Старый человек, который долго держал власть, умеет не показывать, когда глаза ест дым. Люди путают это с силой. Иногда это просто привычка терпеть при свидетелях.

— Что нужно? — спросил Арк.

Сая посмотрела на лес.

— Мясо до темноты.

Тарг сразу сказал:

— Будет.

Хад усмехнулся.

Не зло. Хуже. Устало.

— Обещание не варят в котле.

У Тарга дёрнулся угол рта.

Молодые за его спиной замерли. Для них это была почти пощёчина. Не по лицу Тарга — по их огню.

Тарг медленно повернулся к Хаду.

— Тогда принесу то, что варят.

— Принеси, — сказал Хад.

Два больших человека смотрели друг на друга через шкуру с жалкими остатками еды. Между ними лежал не спор. Между ними лежал ребёнок, который дышал в полуземлянке, мать, которая смотрела на вход, и чужой Юг, который уже показал: он умеет приходить туда, где у Севера пусто.

— Не все, — сказал я.

Тарг перевёл взгляд на меня.

— Что?

— Не все. Не толпой. Не по прямой тропе. Если Юг ждёт, он ждёт движения. Большого, злого, глупого.

— Я не глупый.

— Сегодня это надо доказать не ударом.

Он долго молчал.

Потом кивнул.

Не мне. Скорее себе.

— Кто идёт?

Я назвал:

— Я. Ты. Нор. Варг. Харн. Эр. Два малых с волокушей. Один от Арка, один от Хада.

Хад сразу сказал:

— Эр идёт.

Эр стоял у края круга. После вчерашней дороги к ручью он держался иначе. Не мягче. Не ближе. Просто уже не так далеко от Харна. На лице у него было упрямое спокойствие человека, которому неприятно, что его жизнь вчера держал тот, кого он не уважал.

— Пойду, — сказал Эр.

Харн стоял рядом с Нором.

Правая рука у него была перевязана сухим мехом. Пальцы распухли, кожа у ногтей потемнела, но он старался держать руку так, будто ничего особенного не случилось. Получалось плохо. Тело всегда выдаёт молодого раньше, чем лицо.

Тарг посмотрел на него.

— Сможешь?

Харн кивнул.

— Скажи ртом.

— Смогу.

— Не за мясом пойдёшь, — сказал Тарг. — За снегом. Смотри под ноги. Не ищи имя.

Ищи снег.

Харн хотел ответить что-то короткое, правильное.

Не нашёл.

И хорошо. Иногда молчание честнее.

Сая поднялась.

Она дала мне маленький мешочек с горькой травой.

— Если будет южный дым.

Я взял.

Потом она подошла к Харну и сунула ему сухую повязку, завернутую в кусок старой мягкой кожи.

Он посмотрел на неё удивлённо.

— Рука уже есть, — сказала Сая. — Вторую не оставляй в воде, если можно.

Харн опустил глаза.

Это было не прощение. Но это было внимание. А после пустого места в южном счёте внимание своих стоило дороже красного металла.

Таргу она дала длинный сыромятный ремень.

Он взял его двумя пальцами, будто ремень мог укусить.

— Для чего?

— Для волокуши. Для человека. Для зверя. По дороге поймёшь.

— Думаешь, я не знаю, что делать с ремнём?

— Думаю, ты иногда слишком быстро знаешь, что делать с копьём.

Молодые Тарга притихли.

Тарг посмотрел на Саю долго. Потом перекинул ремень через плечо.

— Мясо будет.

Сая ответила:

— Мясо, которое принесут мёртвые, долго не кормит.

Он отвернулся первым.

Но ремень не бросил.

Мы вышли, когда серый свет стал плотнее.

Не ярче. День просто перестал быть ночью.

Лес принял нас мокрым холодом.

Снег сверху был мягкий, а под ним держалась ледяная корка. Нога сначала тонула, потом упиралась, потом корка ломалась с тихим сухим звуком. Под мхом местами стояла чёрная вода. Её не было видно, пока не становилось поздно. Карликовые берёзы цепляли мех и ремни. Ели висели низко, тяжёлые от снега. Иногда ветка отпускала свой груз прямо за шиворот, и холодная мокрая тяжесть стекала вдоль спины.

Волокушу тянули Луг и Кел.

Луг был из наших, тот самый подросток, который первым заметил свёрток у детского входа. С тех пор он ходил тише обычного. Будто боялся снова увидеть первым то, что изменит стоянку.

Кел был от людей Хада. Узкий, быстрый, злой глазами. Он всё время смотрел на Луга так, будто тот лично принёс соль к их входу. Луг делал вид, что не замечает.

Варг шёл не по следу, а рядом со следом.

Его зверь остался у стоянки. Он сам сказал: мясо зовёт зверя, но зверь рядом с мясом зовёт ещё больше. Я не понял полностью, но спорить не стал. Варг редко объяснял то, что для него было очевидным.

Нор вёл нас к старому звериному проходу.

— Давно не ходили? — спросил я.

— Мы — нет, — сказал он.

— А зверь?

Он присел у старой копытной ямы, почти сглаженной снегом.

— Зверь помнит дольше нас.

Тарг шёл чуть впереди меня.

Копьё держал низко. Не для боя. Для дороги. Эр шёл с другой стороны, осторожно ставя ноги. После вчерашней ловушки у ручья он стал смотреть под снег почти так же внимательно, как Харн. Но всё равно гордость заставляла его делать вид, что он не учится у тех, кому не доверяет.

Харн шёл молча.

Один раз он остановился у ветки.

Нор прошёл ещё два шага, потом повернул голову.

— Что?

Харн показал здоровой рукой.

— Сломана не снегом.

Нор вернулся.

Ветка молодой берёзы была согнута вниз и отпущена. Не сломана полностью, только надорвана изнутри. На коре — тёмное пятно.

Нор понюхал. Передал Варгу.

Варг наклонился, втянул воздух.

— Лось. Кровь старая. И трава.

— Южная? — спросил я.

— Горькая.

Тарг плюнул в снег.

— Они и зверю теперь слово дают?

— Зверю нет, — сказал Нор. — Дороге.

Мы пошли медленнее.

Скоро след стал яснее.

Крупный лось. Тяжёлый. Свежий. Копыто уходило глубоко, но неровно. Зверь хромал или его гнали так, что он сбился с обычной силы. На одном месте снег был сорван почти до земли. Там лось резко повернул, ударил ногой, сломал куст. На коре остался клочок шерсти.

Тарг потрогал шерсть.

— Большой.

В его голосе впервые за утро прозвучало что-то живое.

Не радость. Охотничья правда. Большой зверь — это риск. Но большой зверь — это мясо. Бульон. Жир. Кости. Мозг. Сухожилия. Шкура. Время. Один крупный лось мог стать тем, что удержит людей от взгляда на детский вход ещё хотя бы на несколько дней.

Юг дал щепоть.

Мы шли за тушей.
Это было правильно.
И именно поэтому опасно.
Снежное болото началось без границы.

Просто в какой-то момент лес стал ниже, мох под снегом мягче, а шаги глуше. Нор поднял руку.

— Шире. Не один за другим.
Мы разошлись.

Я видел, как Луг и Кел с волокушей пытаются делать то же самое и всё равно тянут её слишком прямо. Им хотелось побыстрее пройти плохое место. Это обычная ошибка. Плохое место не любит, когда через него идут быстро.

Эр сделал шаг в сторону, чтобы обойти куст.
Снег под ним не треснул.
Он просто исчез.

Эр ушёл вниз почти до бедра. Резко, без предупреждения. Одной рукой он вцепился в куст, второй ударил по снегу, но под снегом была вода. Чёрная, болотная, ледяная. Она сразу залила обмотку на ноге.

— Не дёргайся! — крикнул Нор.
Эр, конечно, дёрнулся.

Корка вокруг него пошла трещинами.
Кел бросил волокушу и рванулся к нему.

— Лежать! — заорал я.

Поздно.

Кел уже сделал два шага. Третий должен был отправить его рядом с Эром.

Харн упал на живот и ударил древком копья поперёк пути Кела.

Не в него. Перед ним.

Кел споткнулся, рухнул в снег лицом, заорал от злости, но остался сверху.

Харн пополз к Эру, протягивая древко.

— Держи!

Эр схватился.

В тот же миг снег под Харном просел.

Тарг был рядом быстрее меня.

Он схватил Харна за ремень на спине и рванул назад так резко, что Харн хрипнул. Я успел упасть рядом, прижимая весом край снега. Нор резал ремень волокуши, чтобы она не потянула подростков в сторону. Варг оттащил Кела за шиворот, как щенка.

— Не на ноги! — сказал я. — Лежать! Ремень сюда!

Тарг сорвал с плеча ремень, который дала Сая.

Теперь понял.

Он бросил конец мне. Я передал Харну. Харн, скрипя зубами, протянул его Эру.

— Под мышку, — сказал Харн. — Не за руку. Под мышку.

Эр хотел спорить даже из болота.

Потом вода ударила выше, и спор ушёл.

Он продел ремень, Нор и Тарг потянули, я держал Харна, Варг держал Кела, Луг держал волокушу, хотя она уже не могла никуда уйти. Все держали что-то. В этом и была стоянка: если не держишь — кто-то уходит вниз.

Эра вытащили вместе с куском чёрной воды, мха и вони.

Он лежал на снегу, тяжело дыша. Нога до бедра мокрая. Обмотка смерзалась уже на глазах. Кожа под ней могла умереть раньше, чем он поймёт.

— Снимать, — сказал я.

Эр сел, попытался сам, но пальцы не слушались. Хадов Кел бросился к нему. Харн тоже подался вперёд, потом остановился.

Эр заметил.

— Что встал?

Харн сел рядом и начал разматывать мокрую обмотку.

Неловко. Правой рукой он всё ещё работал плохо, левой — грубее. Но делал.

Эр смотрел на него так, будто хотел ударить за помощь.

Не ударил.

Когда мокрую кожу сняли, нога была красная, потом быстро стала белеть. Нор растёр её снегом, Варг подал сухой мех, Тарг молча держал Эра за плечо, чтобы тот не рванулся от боли.

Эр зашипел, но не вскрикнул.

— Двигаться сможешь? — спросил я.

— Смогу.

— Скажи правду.

— Смогу плохо.

— Хорошо. Плохо — это лучше, чем никак.

Кел стоял рядом, бледный от злости и страха.

— Он меня уронил, — сказал он, глядя на Харна.

— Он тебя оставил сверху, — сказал Тарг.

Кел замолчал.

Тарг посмотрел на Харна.

Одного мгновения хватило бы для похвалы. Но он всё ещё был Тарг.

— Видел хорошо, — сказал он.

Харн опустил голову.

Эта фраза легла на него тяжелее, чем ремень. Не потому что была большой. Потому что была первая.

Мы пошли дальше медленнее.

Эр хромал, но упрямо не отдавал копыё. Кел теперь держался ближе к нему, а не к Лугу. Луг молчал. После болота он перестал смотреть на Кела как на чужого. Вода быстро делает людей похожими.

След лося уходил в узкую лесную воронку между двумя каменными выступами.

Там снег был истоптан.

Не только копытами.

Мы остановились выше, за елями.

Лось стоял внизу.

Огромный.

Тёмная шкура на холке, длинная голова, пар из ноздрей. Одна задняя нога была поймана сыромятной петлёй. Петля уходила к согнутому молодому дереву, которое держалось на пределе. Вокруг снег был перемолот в кашу. Кровь темнела у копыта. Зверь рванулся, и дерево застонало.

Лось был живой, злой и уже начал уставать.

Уставший большой зверь опаснее свежего. Свежий уходит, если может. Уставший иногда ломает всё, что стоит рядом, потому что выхода больше не знает.

На ветках вокруг висели пучки горькой травы.

Я увидел красную стружку на снегу у корня. Совсем немного. Как случайная искра.

Нор показал на следы.

— Двое ставили. Может, трое.

Варг покачал головой.

— И собаки были.

Тарг уже держал копьё иначе.

— Добьём и уйдём.

— Стой, — сказал я.

Он повернул голову.

— Что ещё?

— Петля не наша.

— Зверь тоже не их.

— Именно.

Эр, стоявший рядом, опирался на копьё. Лицо у него было серое, но взгляд ясный.

— Ребёнок не будет есть вопрос, Рат.

Это было сказано без злобы.

И поэтому попало точно.

Внизу лось снова рванулся. Петля натянулась, дерево пригнулось, снег взлетел вокруг копыта. Тонкая кровь расплескалась по белому.

Да, ребёнок не будет есть вопрос.

Но если мы возьмём зверя из южной петли, Юг скажет: мясо прошло через наш ремень. Север ел потому, что южная дорога держала зверя. Новая зарубка. Новый счёт.

Я уже открыл рот, чтобы сказать это, но Варг поднял руку.

Слева, ниже по склону, хрустнула ветка.

Потом ещё одна.

Из ельника вышли трое.

Не южные воины.

Северные.

По телу, походке, меху, лицам, обмоткам. Но ремни у них были лучше выделаны. На груди у старшего висела маленькая красная пластина. У второго за поясом — красный нож, короткий, рабочий, не для красоты. Третий держал пращу и улыбался так, будто уже знал, чем закончится разговор.

Старший поднял руку.

— Не трогать зверя.

Тарг сделал шаг вниз.

Я положил руку ему на плечо.

Плечо было твёрдое, как камень под снегом.

— Чей? — спросил я.

Старший посмотрел на меня, потом на Тарга, потом почему-то на Харна. Красные вещи умеют искать тех, кто уже смотрел на них слишком долго.

— Зверь в южной петле.

— Я спросил, чей зверь.

— Кто держит дорогу, тот держит зверя.

Тарг усмехнулся.

— Зверь не был южным. Южной была петля.

Старший перевёл взгляд на него.

— Тогда бери без петли.

У второго дёрнулась рука у красного ножа.

Лось рванулся снова.

Дерево треснуло.

Все посмотрели вниз.

Вот в этом и была ловушка. Не в петле. В том, что разговор шёл рядом с умирающим мясом. Каждое слово стоило силы зверя. Каждая задержка приближала темноту. Каждая попытка быть правым могла оставить ребёнка без бульона.

— Часть оставите за дорогу, — сказал старший. — И уходите.

— За какую дорогу? — спросил Нор.

— По которой зверь пришёл.

— Он пришёл старым ходом.

— Теперь ход держат ниже.

Тарг тихо сказал:

— Я сейчас покажу, что держат ниже.

Старший услышал и улыбнулся шире.

Он хотел этого.

Если Тарг ударит первым, история станет простой. Север пришёл, увидел южную петлю, убил людей дороги и забрал зверя. Потом эту историю понесут к тем, кто уже сомневается. К матерям. К малым родам. К молодым. К тем, кто думает, что южный порядок хотя бы кормит.

Я сказал:

— Мы берём мясо для ребёнка, которого Юг уже пытался записать солью. Видите. Петлю видим. Дорогу видим. Долг за петлю не берём.

— Ты много говоришь, — сказал человек с пращой.

— Значит, слушай быстрее.

Он метнул камень.

Не в меня.

В Луга.

Камень ударил подростка в плечо. Луг вскрикнул, упал на одно колено, волокуша дёрнулась, Кел бросился к нему, Эр шагнул вперёд и тут же просел на больную ногу.

После этого разговор закончился.

Тарг пошёл вниз.

Не побежал. Пошёл.

От этого было страшнее.

Старший вытащил обычный каменный нож. Красная пластина на груди качнулась. Второй выхватил красный. Третий уже тянулся за новым камнем.

Нор бросил короткое копье.

Не в грудь.

В руку с красным ножом.

Копье ударило древком по запястью, нож вылетел в снег. Человек закричал, больше от неожиданности, чем от боли.

Варг сорвался вправо.

Не на людей. К кустам, где зашевелился четвёртый.

Я увидел его поздно.

Он был почти за петлёй. Низкий, быстрый. В руке нож. Он тянулся не к нам и не к зверю. К сыромятному ремню.

— Петля! — крикнул я.

Харн первым понял.

Он бросился не на человека, а к Лугу и Келу, толкнул обоих за камень и сам упал сверху, закрывая их от того, что должно было случиться.

Четвёртый перерезал ремень.

Молодое дерево выпрямилось с сухим хлопком.

Петля рванулась.

Лось освободился не полностью — обрывок ремня ещё волочился за ногой, — но этого хватило. Он взметнулся всем телом, ударил копытами в снег, повернул голову, и весь лес вдруг стал слишком маленьким для него.

Первым он снёс того, кто резал петлю.

Не специально.
Просто человек оказался там, где зверь больше не видел дороги.
Копыто ударило в грудь или плечо. Я услышал звук, который не хочется помнить. Человек улетел в кусты и больше не поднялся.
Старший отступил.
Тарг сбил его плечом в снег, но не добил. Даже сейчас. Даже в этом.
Это тоже было новым.
Лось пошёл вверх, прямо на нас.
Не как враг.
Как большое раненое тело, которому боль стала направлением.
— В стороны! — крикнул Нор.
Все и так бросились в стороны.
Эр не успевал.
Нога подвела его. Он попытался поставить копьё, но рука соскользнула по древку. Лось был уже почти на нём.
Харн, который только что закрывал подростков, схватил связку веток и ремней от волокуши и швырнул зверю под передние ноги.
Это не могло остановить лося.
Но могло украсть полшага.
Украло.
Зверь сбился, мотнул головой, копыто ушло в ремень, тело качнулось.
Тарг ударил копьём в бок.
Не красиво.
Слишком низко. Но сильно.
Эр, падая, всё-таки вцепился в древко второго копья и удержал его поперёк, не дав зверю повернуть полностью. Нор заорал, бросая камни в сторону головы, Варг хлопнул шкурой, отвлекая зверя в узкий проход между камнями.
Я уже бежал туда.
Не к победе.
К месту, где большой зверь должен был умереть, если нам повезёт.
Лось ударился о камень плечом, развернулся, рванулся снова, но копьё Тарга сидело в боку. Кровь пошла густо, тёмно, сразу паром. Он сделал ещё два шага. Третий сломался.
Он опустился на передние ноги.
Не упал. Именно опустился. Как будто земля вдруг стала тяжелее, чем он мог держать.
Тарг подошёл с копьём.
— Подожди, — сказал я.
Он хотел добить сверху.
Это было бы дольше. И опаснее.
Я подошёл сбоку, чувствуя, как ноги скользят в крови и размятом снегу. У горла зверя шерсть была мокрая, горячая. Каменный нож в моей руке показался жалким. Большой мир умирал от маленького края.
Я прижал колено к снегу.
Лось смотрел не на меня.
Может быть, звери вообще не смотрят так, как мы думаем. Может быть, в его глазу не было ни упрёка, ни страха, ни понимания. Только тёмная мокрая поверхность, в которой отражались серое небо, ветки и моя рука.
Я резанул.
Не с первого раза.

Каменный нож скользнул. Пришлось резать снова, глубже, грязнее. Кровь ударила по пальцам, горячая, почти обжигающая на холоде. Зверь дёрнулся, и Тарг прижал древко копы сильнее.

Потом всё тело лося стало тяжёлым окончательно.

Лес замолчал.

Не надолго.

Только на тот короткий миг, когда люди и звери понимают: что-то большое перестало быть живым, и теперь всем надо решить, что с этим делать.

Луг тихо стонал за камнем.

Кел держал его за плечо и говорил:

— Не смотри. Не смотри. Не смотри.

Сам смотрел.

Эр сидел в снегу, бледный, мокрая нога снова начала дрожать. Харн стоял рядом с ним и держал копьё так, будто если отпустит, мир опять пойдёт на них.

Старший с красной пластиной лежал лицом вниз. Живой. Дышал. Второй держал руку, где Нор выбил нож. Третий с пращей исчез. Четвёртый в кустах не шевелился.

Тарг посмотрел на старшего.

— Теперь спросим, чья дорога?

— Нет, — сказал я.

Он медленно повернулся.

В глазах у него ещё стоял лось. Кровь. Удар. Живой спор, который требовал закончить себя ударом.

— Нет?

— Если убьём, они тоже придут. Только с другой историей.

— Он уже приведёт их.

— Да.

— Тогда почему он живой?

Я вытер нож о снег. Не помогло. Кровь забилась в трещины камня.

— Потому что сегодня нам нужно мясо. Не новая песня о том, как Север режет тех, кто держит дорогу.

Тарг шагнул ближе.

— Ты думаешь, они не споют?

— Споют. Но не всё будет правдой на их стороне.

Он смотрел на меня долго.

Потом ударил копьём не в человека, а в снег рядом с его головой.

Старший вздрогнул, но не поднялся.

— Лежи, дорога, — сказал Тарг. — Пока мясо уходит.

Нор поднял красный нож, выбитый из руки второго. Все посмотрели на него.

Особенно Харн.

Это было несправедливо, но взгляды всё равно нашли его. Красные вещи уже знали к нему дорогу. И люди тоже знали.

Харн побледнел.

Нор повернул нож в руке.

Хорошая вещь. Быстрая. Острая. Ровная. Один такой нож мог сэкономить нам время при разделке. Каменные лезвия тупились, скалывались, требовали терпения. Красный металл резал как чужая воля: легче, чем должен.

— Нет, — сказал я.

Нор кивнул, будто ждал.

Он воткнул красный нож в снег рядом с перерезанной южной петлёй.

Лезвием вниз.

Не взяли. Не приняли. Видели.

Тарг посмотрел на Харна.

— Ты тоже видел?

Харн кивнул.

— Видел.

— И?

Харн сглотнул.

— Быстрее камня.

Тарг сузил глаза.

— И?

— Не наш.

Этого оказалось достаточно.

Пока.

Разделка началась сразу.

Большое тело, которое минуту назад могло убить нас всех, стало работой.

Очень тяжёлой.

Сначала шкура. Нож входит плохо, если рука дрожит после схватки. Кровь делает всё скользким. Пар поднимается от разреза, смешивается с холодом, дымом дыхания, запахом железа, хотя железа здесь ещё нет, только кровь и камень. Тарг работал как человек, который пытается не думать. Резал, тянул, выворачивал, держал. Варг всё время смотрел в лес. Нор менял лезвия, отбрасывая тупые сколы. Эр, несмотря на ногу, держал край шкуры и молчал. Харн помогал левой рукой, правой почти не пользовался, но когда надо было удержать тяжёлый пласт мяса, держал обеими.

Луг сидел у камня. Плечо у него быстро напухло. Сая потом скажет, хорошо ли кость. Сейчас он мог только тянуть волокушу одной рукой. Кел перевязал ему плечо так плохо, что Нор выругался и перевязал заново.

— Печень, — сказал я.

— Сначала бёдра, — сказал Тарг.

— Печень для ребёнка.

Он остановился.

Потом кивнул.

Мы вынули печень тёплой, тяжёлой, тёмной. Завернули в чистый кусок шкуры. Потом сердце. Потом жир — сколько можно было взять быстро. Мясо со спины. С бёдер. Длинные кости для мозга. Сухожилия, если успеем. Шкуру не всю. Не сегодня. Оставить часть было больно, но темнота уже собиралась между стволами.

Мясо было временем.

Каждый отрезанный кусок — ещё один день без южной соли. Каждая кость — ещё одна ночь для ребёнка Хада. Каждая полоска жира — ещё один взгляд матери не на вход, а на котёл.

И всё равно этого было мало.

Потому что теперь, если мы принесли мясо один раз, люди будут ждать, что мы принесём снова.

Сая была права.

Когда волокушу собрали заново, она стала почти неподъёмной.

Два молодых ствола, поперечины, ремни, шкура под мясом. Луг встал на свою сторону, но плечо сразу подвело. Он побледнел и едва не упал.

Харн молча взял его место.

Кел посмотрел на него.

— У тебя рука.

— У тебя глаза, — сказал Харн. — Смотри, где снег.

Кел не нашёл ответа.

Эр усмехнулся.

Совсем коротко.

Потом поморщился от боли в ноге.

Варг подошёл к внутренностям, которые мы не могли взять. Отрезал часть, завернул в шкуру и потащил в сторону.

— Что делаешь? — спросил Тарг.

— Платим лесу.

— Мы уже платили.

— Не тому.

Он ушёл между деревьев и оставил требуху ниже, в стороне от нашего обратного пути.

— Зверь придёт туда, — сказал Нор.

— Или собаки, — сказал Варг. — Пусть сначала едят то, что не ребёнок.

Возвращение оказалось тяжелее боя.

В бою страх даёт силу.

В дороге сила заканчивается раньше страха.

Волокуша цеплялась за корни. Мясо тянуло вниз, будто лось и после смерти хотел остаться в своём лесу. Снег лип к кровавой шкуре. Ремни врезались в плечи. Эр хромал сильнее, но не отдавал своё место. Кел дважды поскользнулся и один раз едва не выпустил ремень. Тарг шёл сзади, прикрывая, но я видел, что его тянет вперёд, к мясу, к делу, к возможности просто поднять и нести вместо всех. Он сдерживался. Это тоже была работа.

Варг поднял руку, когда до старого звериного прохода оставалось немного.

Мы остановились.

Все слышали только собственное дыхание.

Потом я услышал.

Не вой.

Шаги.

Лёгкие. Много. Параллельно нам.

Волчьи или собачьи — для меня разницы почти не было. Для Варга была.

— Не мои, — сказал он.

Нор тихо выругался.

Тарг развернулся, копьё низко.

— Сколько?

— Хватит, — сказал Варг.

Это не помогло.

Мы двинулись дальше, но уже иначе. Не торопясь. Торопящийся с мясом похож на раненого зверя. Лес такое любит.

Слева между елями мелькнула серая спина.

Кел вскинул копьё.

— Не бросай, — сказал Харн.

Кел замер.

Серый зверь шёл рядом. Большой. Худой. Не нападал. Смотрел на волокушу. Потом исчез.

Ещё один вышел ниже, ближе к тому месту, где Варг оставил требуху. Остановился, втянул воздух, повернул голову к нам.

Тарг сделал шаг между ним и волокушей.

Не бросился. Не закричал. Не поднял копьё над головой.

Просто стал.

Большой человек, кровь на руках, лосиная кровь на меху, ремень Саи через плечо, копье низко. Не угроза, которая зовёт драку. Стена, которую невыгодно пробовать.

Зверь смотрел на него.

Тарг смотрел на зверя.

Потом зверь ушёл к оставленной требухе.

Тарг не пошёл за ним.

Я запомнил это.

Не всякая победа оставляет тело на снегу.

Сумерки догнали нас у края стоянки.

Сначала нас услышали волчьи. Потом дети. Потом женщины.

Но люди вышли не сразу. Несколько мгновений они смотрели из входов, потому что из леса возвращались не люди, а пар. Пар от мяса. Пар от крови. Пар от нас.

Потом кто-то крикнул:

— Мясо!

И стоянка двинулась.

Не побежала. Не рассыпалась. Двинулась, как тело, которое вспомнило, что может жить.

Женщины первыми подхватили волокушу, не спрашивая. Старуха уже кричала, кому нести горячие камни, кому чистую воду, кому не трогать печень грязными руками. Дети подошли слишком близко, их отгоняли, они снова подходили. Хад вышел к нам и сразу увидел Эра.

— Нога?

— Мокрая была, — сказал Эр.

— Была?

— Теперь плохая, но моя.

Хад кивнул.

Потом посмотрел на Харна.

Эр сказал сам:

— Он вытянул.

Хад ничего не ответил.

Только коротко коснулся плеча Харна рукой.

Не благодарность.

Отметка.

Для Харна в этот день отметок стало много. Больше, чем он мог удержать лицом.

Тарг положил первый большой кусок мяса не у своего огня.

У общего.

Это увидели все.

Потом взял печень, завернутую в шкуру, и отдал Сае.

— Для него.

Сая приняла.

Не улыбнулась.

Но лицо у неё изменилось.

Иногда у человека становится меньше смерти в глазах. Это видно сильнее улыбки.

Мать ребёнка вышла из полуземлянки, когда печень уже резали тонко для отвара.

Она увидела мясо.

Не всё. Не тушу. Только тёмный кусок на шкуре, пар над ним, руки Саи, жир, который старуха растирала в маленькой чаше.

Мать закрыла рот ладонью.

Плакала она без звука.

Хад увидел это и отвернулся.

Не потому что не хотел видеть. Потому что хотел слишком сильно.

Сая сделала отвар сама.

Горячая вода. Немного жира. Тонкая кровь с печени. Маленький кусок мяса, почти растёртый. Травы старухи. И крупинка соли.

Той самой.

Я увидел, как Тарг напрягся.

Сая тоже увидела.

— Видит круг, — сказала она.

Не оправдываясь.

Просто ставя вещь на место.

— Соль была в счёте. Мясо теперь тоже в счёте. Ребёнок не должен платить за нашу чистоту.

Тарг не ответил.

Но не отвернулся.

Мальчику дали отвар маленькими глотками.

Сначала он не хотел. Потом закашлялся. Потом проглотил. Мать держала его голову. Сая держала чашу. Старуха держала тёплый камень у его ног. Хад стоял снаружи и слушал, как его сын глотает.

После третьего глотка мальчик заснул.

Не здоровым сном.

Не спасённым.

Просто сном, в котором грудь поднималась не так часто.

Мать осталась рядом. Её ладонь снова легла ему на грудь. Но в этот раз она не смотрела на вход.

Пока.

У общего огня мы разложили то, что принесла дорога.

Мясо.

Кусок южной петли.

Красную стружку.

Обрывок горькой травы.

Наши тупые каменные ножи.

Кровь на ремне Саи.

Копьё Тарга с тёмным пятном у наконечника.

Харн сидел рядом с Лугом и показывал Келу, как ложиться на снег, когда под ним вода. Кел делал вид, что не слушает. Но повторял движение правильно.

Эр держал ногу у огня, не слишком близко. Старуха пригрозила ему палкой, когда он попытался подвинуться.

— Хочешь оставить кожу огню? — спросила она. — Югу и так много оставили.

Эр отодвинулся.

Арк сидел у камня.

Старый, тяжёлый, усталый. Но в этот вечер люди смотрели на него иначе. Не потому что он принёс мясо. Он не ходил. Не бился. Не резал зверя. Но его круг принёс мясо. Для вождя иногда это важнее личной силы.

Сая положила на снег рядом с мясом кость с солью.

Потом положила рядом свежую маленькую кость и провела на ней три линии: зверь, огонь, круг.

— Долг за соль видим, — сказала она. — Мясо — наше.

Хад поднял глаза.

— И ребёнок?

Сая посмотрела на него долго.

— Ребёнок не долг.

Хад хотел что-то сказать.

Не сказал.

Может быть, потому что поверил. Может быть, потому что хотел поверить. Разница была слишком тонкой для вечера, в котором пахло кровью и бульоном.

Тарг сел у огня, наконец сняв с плеча ремень Саи.

Он был весь в крови, грязи и мокром снегу.

Сая протянула руку.

— Верни.

Тарг посмотрел на ремень.

— Нужен ещё.

— Завтра дам другой.

— Этот знает дорогу.

Она не сразу поняла, что это не шутка.

Потом поняла.

И оставила ремень у него.

Позже, когда мясо уже висело на жердях и дым стал жирным, Нор подозвал меня к краю стоянки.

Он чистил один из кольев, который мы принесли от южной петли. Я думал, он взял его как доказательство — показать, как ставили ловушку. Колья многое говорят, если умеешь смотреть: чем резали, как торопились, какую руку берегли, где дерево росло, сколько времени стояло.

Нор счищал кору каменным скребком.

— Смотри.

Под корой была зарубка.

Не свежая снаружи. Спрятанная. Сделанная до того, как кору пригладили обратно сырой жилой.

Я присел.

На древесине был знак.

Не знак Саи. Не знак ребёнка. Не знак долга.

Звериная дорога.

Короткая линия между двумя камнями, расходящаяся ниже, с маленькой меткой у воды.

Я видел это место сегодня.

Не на карте. В снегу. Ногами. Кровью. Лосем, который шёл туда, куда его уже направляли.

Нор молчал.

Варг, подошедший сзади, понюхал кол.

— Не вчера.

— Давно? — спросил я.

— До соли, — сказал он.

Вот это было главное.

Соль была не началом.

Соль была тем, что мы увидели.

Юг уже стоял на звериной дороге раньше. Уже ставил петли. Уже знал, где пройдёт мясо, если мы пойдём искать своё. Уже считал не только людей, но и тропы, копыта, воду, горькую траву, старые проходы, голод у детского входа.

Я посмотрел на стоянку.

На пар от мяса. На женщин у жердей. На Хада у входа. На Саю, которая сидела рядом с больным ребёнком. На Тарга с кровавым ремнём через плечо. На Харна, который показывал

Келу, как снег врёт. На детей, которые впервые за несколько дней смотрели не на пустой котёл, а на дымящееся мясо.

Мы выиграли день.

Иногда день — это всё, что можно выиграть честно.

Но день уже стоял внутри чужой дороги.

Я взял кол у Нора и провёл пальцем по спрятанному знаку.

Дерево было холодным.

Мы принесли мясо до темноты.

Но Юг уже знал, где оно ходит.

Глава 4 "Дорога, которую украли"

Дорога, которую украли

Мясо не дало стоянке уснуть.

Казалось, должно было.

После голодных дней, после соли у детского входа, после кашля ребёнка Хада, после обратного долга и чужих костей люди наконец увидели то, что можно было резать, варить, сушить, делить. Большие тёмные куски лося лежали у общего огня. От них поднимался пар, густой и живой. Кровь впитывалась в снег и делала его бурым, почти чёрным там, где по ней ходили ногами. Женщины работали быстро, не разговаривая лишнего: одни резали мясо на полосы, другие натягивали его на жерди, третьи грели камни для котлов, четвёртые скребли кости, пока они ещё были тёплые.

Дети стояли вокруг слишком близко.

Их отгоняли.

Они возвращались.

Не нагло. Не весело. Просто голод знал дорогу лучше запрета.

Над стоянкой стоял запах жира, дыма, крови, мокрых шкур и горячей костной сердцевины. Это был хороший запах. Запах жизни. Запах дня, который мы всё-таки выиграли.

Но я уже не мог чувствовать его только так.

После южной соли всякая помощь стала вопросом.

После южного счёта всякая вещь стала возможной записью.

После спрятанного знака на коле лосиной петли даже мясо перестало быть просто мясом.

Юг уже знал, где оно ходит.

Я стоял у мясных жердей и смотрел, как Сая режет печень для ребёнка Хада. Она работала тонким каменным лезвием. Красный нож, который мы оставили у южной петли, резал бы быстрее. Все это понимали. Никто не говорил.

Печень была ещё тёплой. Сая разрежала её на маленькие тёмные куски, часть растёрла с жиром, часть бросила в горячую воду. Старуха стояла рядом и держала мешочек с травами так, будто в нём было не несколько сухих корешков, а последний голос, который ещё можно добавить к мясу.

Мать ребёнка не смотрела на детский вход.

Впервые за два дня.

Она смотрела на котёл.

Это должно было радовать.

Но я видел, как Хад смотрит на неё. Он тоже заметил. И в его лице было не облегчение, а страх человека, который понял: теперь каждый котёл должен быть полным. Один раз Север ответил мясом. Значит, завтра с него тоже спросят мясо.

Сая подошла ко мне уже позже, когда первый отвар унесли внутрь, а у мясных стоек поставили молодых дозорных.

— Он глотал, — сказала она.

— Это хорошо.

Она посмотрела на меня так, что я сразу пожалел о слове.

— Это лучше, чем не глотал.

У Саи были точные слова. Она редко позволяла им быть мягче правды.

Мы молча смотрели на жерди.

Полосы мяса свисали неровно. Дым должен был сушить их, но дерево было сырым, дым шёл тяжёлый, жирный, ел глаза. Ремни для подвеса были старые. После мокрого холода они дубели, а у огня быстро размягчались. Нормальных стоек не хватало. Часть мяса пришлось подвесить ниже, чем нужно.

Слишком низко.

Для зверя.

Для человека.

Для руки, которая умеет прийти ночью.

— Теперь они будут ждать мяса так же, как вчера ждали соль, — сказала Сая.

Я хотел возразить.

Сказать, что мясо наше. Что это другая история. Что люди видели Тарга, Харна, Эра, Нора, Варга. Видели кровь на ремнях. Видели лося. Видели, что мы заплатили телом, а не взяли чужую щепоть.

Не сказал.

У одного из котлов больной ребёнок Хада слабым движением облизывал жир с губ.

Очень маленькое движение.

Очень большое обязательство.

Сая проследила за моим взглядом.

— Ты тоже это видишь, — сказала она.

— Да.

— Тогда не говори им, что всё хорошо.

— Не скажу.

— И себе не говори.

Она ушла обратно к ребёнку.

А я остался у мяса и понял, что мы принесли не только еду.

Мы принесли ожидание.

Ночью мясо тронули.

Не украли.

Именно тронули.

Это было хуже.

Если бы унесли большой кусок, всё стало бы проще. Вор. Погоня. След. Злость. Кровь, если догнали. Новый спор у огня, но понятный. Люди умеют ненавидеть вора. Вора можно назвать, даже если не поймал.

Здесь никто не хотел быть названным.

Кел, молодой из людей Хада, стоял на дозоре у нижних мясных стоек. Он сам попросился. Хад не запрещал. После того как Кел вчера чуть не сорвался в болото за Эром, ему нужно было доказать, что он не только чужой мальчишка у общего мяса. Молодые часто думают, что один правильный ночной дозор может заменить долгий путь к доверию.

Кел не успел крикнуть.

Камень ударил его сбоку по голове или по плечу — он сам потом не мог сказать. Его нашли на снегу, живого, злого, с кровью у виска. Он пытался встать и всё повторял:

— Я не спал. Я не спал. Я не спал.

Никто не сказал, что спал.

Но он всё равно повторял.

Один ремень был перерезан.

Три полосы мяса лежали в снегу, испачканные золой. Ещё две исчезли. Не больше. Не столько, чтобы накормить людей. Столько, чтобы доказать: можно.

У стойки лежал пучок горькой южной травы.

Под жердью — красная стружка.

На снегу — след мягкой обмотки, но слишком короткий. Тот, кто пришёл, не уходил прямо. Или его след потом сбили.

Волчьи звери не подняли тревогу.

Это тревожило Варга сильнее самого пореза.

Он стоял у стоек, наклонив голову, и смотрел не на мясо, а на снег вокруг.

— Их отвели, — сказал он.

— Чем?

— Не мясом.

— Запахом?

Он провёл пальцами по коре стойки, потом понюхал.

— Старая хищная шкура. Горькая трава. Дым, который не идёт вверх.

— Собаки?

— Или люди, которые учились у собак.

Тарг пришёл с копьём.

Не бежал.

Но вокруг него сразу стало теснее. Его молодые подтянулись следом. Харн стоял среди них, но чуть сзади. Правая рука у него ещё плохо сгибалась после ледяной воды, плечо болело после вчерашней лосиной дороги, но он всё равно вышел. Если молодой человек однажды получил пустое место в чужом счёте, он потом выходит даже тогда, когда тело просит остаться у огня.

Тарг присел у перерезанного ремня.

Провёл пальцем по срезу.

— Острым.

Нор кивнул.

— Красным, скорее всего.

Харн не поднял глаз, но все всё равно посмотрели на него.

Тарг заметил это.

И сказал, не поворачиваясь:

— Смотреть на ремень.

Молодые опустили глаза к ремню.

Харн тоже.

Это было сделано грубо. Но правильно.

Сая вышла из полуземлянки Хада, запахнув шкуру. Лицо у неё было усталым и злым.

— Ребёнок? — спросил Хад, который шёл за ней.

— Спит.

— Хорошо?

— Спит, — повторила она.

В этот раз Хад понял.

Арк подошёл последним.

Старый, тяжёлый, с копьём в руке. Не потому что собирался биться, а потому что вождь, который приходит ночью к порезанному мясу без копья, выглядит не старым, а пустым.

Он посмотрел на перерезанный ремень.

На Кела.

На мясо в снегу.

— Много взяли?

— Мало, — сказал Нор.

Арк поднял глаза.

— Значит, не мясо брали.

Сая сказала:

— Они показали, что могут тронуть то, чем мы ответили соли.

Тарг резко выпрямился.

— Идём сейчас.

Хад сразу ответил:

— Сейчас ты уведёшь людей от мяса. Они этого и хотят.

— Они ударили по мясу.

— Значит, мясо надо держать.

— Если не найти руку, она вернётся.

— Если все уйдут за рукой, другая возьмёт остальное.

Они стояли друг против друга у жердей, и между ними висели полосы мяса. Тёмные, дымные, тяжёлые. Ещё вчера мясо должно было соединять. Теперь оно уже делило.

Варчание поднялось среди молодых.

Волчьи звери у лесного края тоже подняли головы, но не зарычали. Слушали людей.

Сая сказала:

— Если люди увидят, что наше мясо можно резать ночью, они снова начнут думать о соли.

Тарг повернулся к ней.

— Тогда надо поймать того, кто резал.

— Нет, — сказал я.

Все посмотрели на меня.

Я сам не сразу понял, что уже решил.

В прошлой жизни это называлось бы не ловлей исполнителя, а ударом по каналу. Здесь таких слов ещё не было. И хорошо. Иногда новые слова только закрывают старую простую правду.

— Не за тем, кто резал, — сказал я. — За тем, где режут дорогу.

Тарг нахмурился.

— Дорогу?

Я поднял с земли красную стружку.

— Вчера мы нашли знак звериного прохода под корой южного кола. Сегодня они тронули мясо и оставили ту же траву. Они не просто пришли к стойке. Они показывают: мясо проходит через их дорогу. Если будем ловить каждого бегунка, будем всё время опаздывать.

Хад сказал:

— А если пока ты ищешь дорогу, они снова придут к мясу?

— Тогда ты будешь здесь, — сказал я.

Он не сразу ответил.

— Я?

— Ты и Арк. Сая держит ребёнка и счёт. Тарг идёт со мной. Его молодые остаются под его словом, но не все под его ногой.

Тарг посмотрел sharply.

— Мои молодые без меня?

— Твои молодые должны уметь стоять у огня, пока ты возвращаешь дорогу. Иначе они только хвост за твоим копьём.

Это было рискованно.

Слишком рискованно.

Несколько молодых подняли головы. Харн тоже. Тарг медленно повернулся ко мне.

В его лице не было согласия.

Но он думал.

Раньше это уже было победой.

Арк сказал:

— Пойдёте на сером свете. Не ночью. Ночь уже сделала своё.

Тарг хотел спорить.

Не стал.

Кел, сидевший на снегу с кровью у виска, тихо сказал:

— Я не спал.

Хад присел рядом с ним.

— Знаю.

Кел посмотрел на него, будто только это и держало его от слёз.

Сая подошла к Харну, хотя ранен был Кел.

Она протянула ему сухие обмотки.

Харн не взял сразу.

— У меня есть.

— Эти суше.

Он всё ещё смотрел на неё.

Сая сказала:

— Ты увидел лёд. Теперь смотри за руками.

Харн понял не полностью.

Но взял.

Тарг это видел.

Ничего не сказал.

До серого света никто толком не спал.

У мясных стоек поставили два круга дозора. Не плотную толпу, которая только мешает друг другу, а смены: люди Хада ближе к нижнему входу, люди Арка к общему огню, молодые Тарга между мясом и лесом. Волчьи не стояли у стоек. Они лежали у края, там, где запахи входят в стоянку раньше ног.

Варящееся мясо дало людям немного тепла.

Но не покоя.

Я сидел у общего огня и смотрел на предметы, которые уже стали нашим новым языком.

Кость с южной солью.

Две южные полоски с зарубками.

Пустая кость.

Кусок петли.

Спрятанный знак звериной дороги.

Красные вещи.

Теперь к ним добавился перерезанный ремень мясной связки.

Старуха сидела напротив, подбрасывала в огонь тонкие сухие прутья и не смотрела на меня. От стариков здесь часто исходило раздражение. Не личное. Просто они уже слишком много раз видели, как молодые люди думают, будто придумали новый способ не умирать.

— Дорога старая, — сказала она.

— Звериная?

— До зверя.

Я посмотрел на неё.

— Что значит “до зверя”?

Она шевельнула плечом.

— Люди ходили. Зверь ходил. Потом опять люди. Дорога любит ноги. Ей всё равно, чьи.

— Кто её держал раньше?

Старуха посмотрела в огонь.

— Те, кто умер. Или те, кто ушёл и стал югом. Или те, кто стал лесом. Ты хочешь имя.

У старого снега имён нет.

Это не помогало.

Но тревожило.

Когда свет стал серым, мы вышли.

Я.

Тарг.

Нор.

Варг.

Харн.

Эр.

Эр хромал.

Он сказал, что нога уже лучше. Старуха сказала, что он врёт плохо. Хад хотел оставить его у стоянки, но Эр ответил:

— Моя нога вчера видела воду. Сегодня пусть видит дорогу.

Хад хотел ударить его за глупость или обнять за упрямство. Не сделал ни того, ни другого.

— Вернёшься с ногой, — сказал он.

— С какой получится, — сказал Эр.

Хад посмотрел на него так, что Эр сразу пожалел о своей смелости.

Сая дала мне мешочек с горькой травой. Тот самый, который дала перед охотой, когда сказала “если будет южный дым”. Вчера я не использовал его. Сегодня она сама положила его мне в ладонь и закрыла мои пальцы сверху.

— Не нюхай дым как мужчина, который хочет доказать, что ему не больно, — сказала она.

— Буду нюхать как мужчина, который хочет видеть.

— Лучше.

Она убрала руку.

На миг между нами осталось то, что не стало словом.

Потом Сая повернулась к Таргу.

— Не тащи назад всех, кого можно убить на месте.

Он усмехнулся без веселья.

— Это просьба?

— Это экономия сил.

— Так и скажи.

— Я сказала.

Тарг кивнул.

Не согласился.

Но услышал.

Мы пошли по следу от мясных стоек не прямо, а боком.

Нор вёл нас через низкий лес, где снег лежал волнами. Ветер за ночь подсыпал свежую крупу, и старые следы стали мягче, почти спокойнее. Это всегда обман. След, прикрытый новым снегом, не исчезает. Он просто перестаёт разговаривать громко.

Нор приседал часто.

Иногда касался снега двумя пальцами. Иногда не касался вообще. По ветке, по наклону травы, по мелкой трещине на ледяной корке он видел больше, чем я по очевидному отпечатку ноги.

Варг шёл чуть ниже.

Он не был похож на следопыта. Следопыт смотрит. Варг слушал. Запах, снег, ветер, низкое движение зверя, остаток ночного дыма — всё это для него было как разговор, где каждое слово сказано не полностью.

Харн шёл рядом с Нором.

Не слишком близко.

Но уже не сзади.

Правая рука у него была перемотана сухими обмотками Саи. Он часто сжимал и разжимал пальцы. Не от боли — проверял, слушаются ли. После ледяной воды человек начинает не доверять собственной руке.

Эр шёл с другой стороны. Хромал. Старался не показывать. Показывал ещё сильнее.

Через какое-то время Нор остановился у старого ствола.

На коре были широкие потёртости.

— Рога, — сказал он.

Тарг провёл ладонью по коре.

— Лось.

— Много лет, — сказал Нор. — Не один зверь.

Ниже, под снегом, виднелись старые копытные ямы. Они уже затянулись льдом, но ритм дороги оставался. Зверь ходил здесь не раз и не два. Поколениями. Это была не тропа. Это была память в земле.

И теперь в этой памяти стояли чужие руки.

Мы нашли первый пучок горькой травы через сорок шагов.

Он висел низко, на молодой ели, не там, где человек заметит сразу, а там, где зверь втянет запах мордой, проходя между стволами. Рядом кора была обожжена. Не сильно. Только полоса дыма на уровне звериного носа.

Дальше — старая шкура, натёртая чем-то резким, спрятанная под снегом у камня.

Варг присел рядом, понюхал и сразу отвернулся.

— Хищник.

— Волк?

— Старый. Смешанный. Не один зверь. Сделано руками.

Ещё дальше — тонкие костяные подвески. Они висели между кустами так, что человек мог пройти под ними, если пригнётся. Зверь крупнее задел бы. Маленький звук, едва слышный, но достаточный, чтобы лось повернул в сторону. Не испугался бы. Просто выбрал бы другой просвет.

Тарг смотрел на всё это всё мрачнее.

— Мелкая работа.

— Не мелкая, — сказал Нор.

Он показал вниз.

Там между камнями открывался проход. Удобный. Почти прямой. Если зверя слегка оттолкнуть запахом здесь, звуком там, хищной шкурой ниже, он сам выйдет к нужному месту. К петле. К засаде. К людям, которые потом скажут: зверь в нашей дороге.

— Это воронка, — сказал я.

Тарг нахмурился.

— Что?

Я взял ветку и начертил на снегу две линии, расходящиеся широко и сходящиеся ниже.

— Они не гонят зверя копытами. Они меняют выбор. Здесь запах. Здесь звук. Там страх.

Зверь думает, что идёт сам. Но его уже ведут.

Эр плюнул.

— Как людей.

Никто не ответил.

Потому что он сказал правду.

Мы пошли дальше.

Теперь каждый пучок травы, каждая подвеска, каждый обожжённый след на коре становились не находкой, а частью чужого решения. Раньше лес казался хаосом: снег, ветви, звери, вода, камни. Теперь я видел схему. И от этого лес не стал понятнее. Он стал опаснее.

Харн остановился первым.

Не Нор.

Не Варг.

Харн.

Он поднял руку.

Тарг сразу посмотрел на него. Не раздражённо. Внимательно.

— Там, — сказал Харн.

Он показал на низкую ветку.

На первый взгляд — обычная ветка, согнутая снегом. Но снег лежал на ней неправильно: не сверху, а сбоку, будто её недавно поднимали и опускали. Под веткой была тонкая жила, почти невидимая на фоне коры.

Нор подошёл, посмотрел и тихо сказал:

— Хорошо.

Харн не улыбнулся.

Только выдохнул.

Тарг сказал:

— Смотри дальше.

Это было больше, чем “хорошо”.

Мы обошли жилу.

За ней начинался участок, где снег был слишком чистым. Слишком ровным. Слишком приглашал идти быстро.

— Петли? — спросил Эр.

Нор кивнул.

— Или нет. Поэтому хуже.

Варг вдруг поднял голову.

— Люди.

Мы замерли.

Сначала я ничего не услышал.

Потом — тихий хруст. Не шаг по снегу. Кость. Кто-то ломал тонкие кости, чтобы сделать подвески.

Ниже, в ельнике.

Мы легли в снег и поползли к краю каменного выступа.

Там были пятеро.

Не южане.

Это стало ясно сразу.

Ширина плеч. Манера двигаться. Как держат копьё. Как поправляют мех на груди. Как один из них, наклоняясь, сплюнул в снег слева от себя — северный жест против плохого следа. Южане делали иначе.

Но ремни у них были слишком хорошими.

Мягкие, ровные, с мелкими костяными креплениями. У старшего на груди висела маленькая красная пластина. Не большая. Не украшение. Знак допуска. У второго за поясом был красный нож — короткий, рабочий, без лишней красоты. Такие вещи опаснее подарочных. Подарочную можно назвать соблазном. Рабочая вещь просто делает работу лучше.

Двое ставили новые петли.

Один натирал ветки жиром и горькой травой.

Один держал на ремнях двух собак или полуволок. Не волчьих Варга. Эти были уже другими: худые, низкие, с жёсткой шерстью, приученные смотреть на руку человека раньше, чем на лес.

Старший стоял у камня и смотрел на звериную дорогу так, как смотрит человек, который считает не деревья, а будущие туши.

Тарг сжал копьё.

Я положил руку ему на предплечье.

Он даже не посмотрел на меня.

— Сначала смотреть, — сказал я почти беззвучно.

— Уже посмотрел.

— Нет.

Он медленно вдохнул.

Остался.

Это стоило ему усилия. Настоящего, физического. Удержать тело иногда труднее, чем бросить его вперёд.

Один из клиентов поднял связку костяных подвесок и проверил звук. Лёгкий, сухой, почти птичий. Потом сдвинул подвеску на пол-ладони левее.

Старший сказал:

— Ниже.

Тот сдвинул.

— Ещё.

Сдвинул.

— Теперь зверь уйдёт к воде, — сказал старший.

Не громко. Мы слышали только потому, что ветер был на нас.

Эр рядом со мной напрягся.

Его лицо изменилось. Он тоже понял: если зверь уходит к воде, он уходит туда, где вчера южная петля держала лося.

К будущему мясу.

К будущему голоду.

К будущему долгу.

В этот момент одна из собак повернула голову.

Не залаяла.

Просто застыла.

Потом низко зарычала.

Варг почти не шевельнулся, но я почувствовал, как всё его тело стало другим.

Собака тянула ремень в нашу сторону.

Человек, державший её, не стал кричать. Дёрнул ремень один раз. Потом сделал знак старшему.

Старший повернулся медленно.

Он не видел нас.

Но уже знал, что здесь есть кто-то, кого надо считать.

Двое клиентов разошлись в стороны. Один снял пращу. Второй потянулся к пучку сухой травы у пояса.

Ждать дальше было нельзя.

Я показал Нору подвески.

Показал Таргу старшего.

Показал Варгу собак.

Показал Харну проход справа.

Харн кивнул.

Не уверенно.

Но сразу.

Нор двинулся первым.

Он скользнул вниз почти без звука и одним движением срезал ближайшую костяную подвеску. Та упала ему в ладонь, не звякнув. Хороший следопыт иногда выигрывает бой до того, как начался шум.

Потом Тарг встал.

И лес уже не мог делать вид, что нас нет.

Он пошёл вниз тяжело и быстро, не с криком, не с рыком. Просто большим телом, которое решило стать событием. Старший успел поднять копье, но Тарг ударил его плечом раньше, чем копье стало угрозой. Они оба ушли в снег. Красная пластина на груди старшего ударилась о камень и звякнула тонко, почти смешно.

Смешного не было.

Пращник метнул камень.

Он летел в меня или в Нора, но Харн оказался на линии и получил удар в плечо. Его развернуло, он упал на одно колено, но копье не выпустил. Вчерашний Харн, может быть, схватился бы за место удара. Сегодня он поднял голову и посмотрел, откуда пришёл камень.

Эр бросился на человека с собакой.

Плохо.

С больной ногой он не мог быстро уйти в сторону, а собака была быстрее человека. Она рванулась, зубы щёлкнули у самого бедра Эра. Варг оказался между ними не ударом, а запахом: сорвал с себя старую кожаную полоску, провёл ею по снегу, бросил влево и сам ушёл вправо.

Собака на миг поверила коже.

Этого хватило.

Эр ударил древком по ремню, не по зверю. Ремень вырвался из руки человека, собака рванулась за кожей и запуталась в петле, которую её хозяин сам поставил для лося.

Вторая собака завывала.

Не от боли.

От злости, что лес вдруг перестал быть понятным.

Я бежал к тому, кто тянулся к сухой траве.

Не успел.

Он ударил камнем по труту, подул, потом бросил искру в связку. Трава вспыхнула не огнём, а дымом. Густым, жёлто-серым, с красноватой пылью, которая сразу легла низко, к земле.

Глаза резануло так, будто под веки насыпали песок.

Варг выругался.

Нор закашлялся.

Эр выругался ещё хуже.

Тарг, поднявший старшего за мех, вдруг отпустил его и ударил кулаком по снегу, пытаясь удержать равновесие. Дым забирал не только зрение. Он забирал направление. В лесу, где всё решает шаг, это было почти оружие сильнее ножа.

Я вспомнил мешочек Саи.

Сжал его, поднёс к носу. Горькая трава ударила запахом в голову. Не приятно. Но поверх южного дыма появилась другая горечь, резкая, чистая, позволяющая хотя бы не потерять себя полностью.

Я бросил мешочек Харну.

— Нос!

Он поймал левой рукой, прижал к лицу, потом передал Эру.

Эр сначала хотел отмахнуться.

Харн почти силой сунул мешочек ему под нос.

— Дыши, глупый.

Эр ударил бы его за “глупый”, если бы не задыхался.

Тарг стоял в дыму, кашляя и щурясь. Ему тоже нужен был мешочек. Он видел это. Я видел, что он видел. Но не брал, пока Харн сам не бросил ему.

Тарг поймал.

Прижал к лицу.

Одно мгновение он выглядел не вождём молодых, не первым копьём, а просто человеком, которому больно дышать.

Потом снова стал собой.

Кто-то побежал справа.

Я не видел. Слышал только, как задели костяную подвеску, которую Нор не успел снять.

Харн услышал тоже.

Он бросил копьё не в звук.

В проход перед звуком.

Копьё ударило в землю с сухим треском. Бегущий споткнулся об древко, вылетел из дыма и упал лицом в снег. Не убитый. Злой. Испуганный.

Нор уже был на нём.

Прижал коленом к спине, вывернул руку. Красный нож выпал из пояса и лёг на снег между ними.

Харн увидел нож.

Все бы увидели.

Но он первым отвёл взгляд.

Не красиво. Не победно.

С трудом.

Именно поэтому это имело цену.

В дыму снова зазвенели подвески. Один из клиентов ушёл. Второй, кажется, тоже. Старший с красной пластиной лежал под Таргом, пытаясь вдохнуть. Человек с собаками катался по снегу, держась за руку: одна собака всё-таки достала зубами своего хозяина, когда рвалась из петли. Тот, кто поджёг траву, исчез в дыму.

Мы не победили.

Мы просто не дали им уйти целиком.

Когда дым начал редеть, лес выглядел чужим.

Снег был истоптан, подвески оборваны, одна собака скулила в петле, другая исчезла, таща за собой обрывок ремня. Горькая трава дымилась на земле. У Тарга на скуле была кровь. У Харна плечо быстро наливалось тёмным пятном. Эр сидел на снегу, кашлял и держался за больную ногу. Нор связывал пленного его же ремнём.

Варг подошёл к собаке в петле.

Все напряглись.

Он не убил её.

Присел рядом, что-то тихо сказал — не словом, скорее низким звуком. Собака перестала рваться. Варг ослабил петлю, но не полностью отпустил. Потом снял с её шеи маленький костяной знак и бросил мне.

На знаке была южная линия дороги.

Не человек.

Даже собаку они включили в счёт.

Пленного посадили у камня.

Он был не старый, но уже не молодой. Лицо узкое, нос сломан давно, на подбородке старая белая полоса шрама. Северянин. Без сомнения. У него были руки человека, который много работал с ремнями, петлями и мокрой кожей. Ногти чёрные от жира и золы. На шее след от старого ошейника или тугого ремня — заживший, но видимый.

Тарг сорвал с его груди красную пластину.

Пленный дёрнулся сильнее, чем когда его связывали.

Вот значит, где было больно.

Не в руке.

Не в спине.

В знаке.

— Чей? — спросил Тарг.

Пленный молчал.

Тарг поднял пластину.

— Чей?

Пленный смотрел на красную вещь, как голодный смотрит на мясо, которое ему уже не дадут.

Я присел перед ним.

Положил на снег по одному предмету.

Красную стружку.

Пучок горькой травы.

Собачий знак.

Костяную подвеску.

Перерезанный кусок мясного ремня.

Красную пластину.

— Чей? — спросил я.

Он перевёл взгляд на меня.

— Ты тот, кто рисует круги.

Нор коротко посмотрел на меня.

Я не ответил.

Пленный улыбнулся сухими потрескавшимися губами.

— Тебя тоже уже режут на кости.

Тарг шагнул вперёд.

Я поднял руку, не глядя.

— Чей? — повторил я.

Пленный посмотрел на предметы.

— Дороги нет “чьей”.

— Тогда зачем красная пластина?

— Чтобы глупые спрашивали, кому дорога принадлежит.

Тарг ударил его.

Не в лицо.

В плечо.

Пленный согнулся, но не крикнул.

— Ещё умно скажешь? — спросил Тарг.

Пленный поднял голову.

— Твои тоже придут. Красный металл быстрее старшего слова.

Тарг снова сделал шаг.

На этот раз я встал между ними.

— Сиди, — сказал я пленному. — И говори так, чтобы дожить до воды.

Он усмехнулся.

— Воду даёт дорога.

Эр, всё ещё сидевший рядом, хрипло сказал:

— Воду даёт земля. Дорогу ты у неё украл.

Пленный посмотрел на него внимательнее.

— Ты из Хада.

Эр замолчал.

Пленный кивнул, будто нашёл нужную кость.

— Ваш ребёнок ел соль.

Эр бросился бы на него, если бы нога позволила.

Харн удержал его за плечо.

Эр резко повернулся.

Их лица оказались близко.

Харн сам испугался того, что сделал. Но руку не убрал.

— Не сейчас, — сказал он.

Эр дышал тяжело.

Потом сел обратно.

Не потому что простил.

Потому что понял: пленный этого и хотел.

Я снова показал на предметы.

— Кто ставит дорогу?

Пленный молчал долго.

Варг тем временем стоял позади него. Молча. Иногда молчание Варга давило сильнее угроз Тарга. В нём не было злости. Только ожидание зверя, который знает, что раненый всё равно выдохнется.

Пленный наконец сказал:

— Те, кто хочет есть зимой.

— Имя.

— У голода много имён.

Тарг тихо зарычал.

Я взял красную пластину и положил её в снег лицом вниз.

Пленный вздрогнул.

— Скажи не имя. Как работает.

Он смотрел на пластину.

Не на меня.

— Юг не ловит каждого зверя, — сказал он наконец. — Это долго. Глупо. Зверь сам ходит. Всегда ходил. Надо только знать, где закрыть, где открыть. Где пахнет хищником. Где шумит кость. Где дерево упадёт. Где собака повернёт стадо. Где род ждёт мяса.

Он говорил не как человек, раскрывающий тайну.

Как мастер, который не удержался и начал объяснять ремесло.

— Если род держит слово, ему говорят: завтра зверь пойдёт ниже. Если род забывает слово, зверь уходит к другим. Если род кричит, что он свободен, его дети слушают пустой лес.

Сая была права.

Юг не просто кормил.

Юг делал так, чтобы без него лес становился пустым.

— Кто учил? — спросил я.

Пленный посмотрел на меня.

— Лес.

— Не лес.

— Старые.

— Южные?
Он улыбнулся.
— Дорога старше тех, кто сейчас называет себя югом.
Эта фраза легла во мне тяжело.
Старуха у огня сказала почти то же самое.
Дорога до зверя.
Дорога до имени.
Дорога, которой всё равно, чьи ноги её помнят.
Тарг присел перед пленным.
— Эльк. Рун.
Пленный улыбаться перестал.
— Что? — спросил Тарг.
— Ты слышал.
— Где они?
Пленный посмотрел на Харна.
Не на Тарга.
На Харна.
— Один ел, — сказал он. — Один смотрел назад.
Харн побледнел.
Тарг схватил пленного за горло.
Быстро.
Слишком быстро.
Пленный захрипел, но продолжал смотреть на Харна.
Я схватил Тарга за руку.
Бесполезно.
Тогда Нор сказал:
— Убьёшь — не узнаешь, кто ел.
Тарг не отпустил сразу.
Пальцы на горле пленного побелели.
Потом он разжал руку.
Пленный закашлялся и упал боком в снег.
— Кто? — спросил Тарг.
Пленный кашлял, потом засмеялся. Плохо, рвано.
— Когда человек ест у другого огня, имя меняется. Спроси у него, когда вернётся. Если вернётся.
Тарг ударил снег кулаком рядом с его лицом.
Не человека.
Снег.
Это было важно.
Но недостаточно.
Харн стоял неподвижно.
Он понял больше, чем хотел.
Он мог быть тем, кто ел. Он мог быть тем, кто смотрел назад. Он мог быть пустой костью.
И Юг, кажется, всё ещё держал для него место.
Мы спорили недолго.
На самом деле спор уже был решён обстоятельствами, но каждому нужно было произнести свою злость, чтобы потом не нести её молча слишком тяжело.
Эр хотел убить пленного.

— Он знает про ребёнка. Он резал мясо. Он держит дорогу, которая завтра заберёт наших зверей.

Варг хотел отпустить с меткой.

— Пусть несёт страх. Страх ходит быстрее раненого.

Тарг хотел тащить его к стоянке.

— Пусть скажет при всех. Пусть молодые слышат. Пусть Хад слышит. Пусть Арк слышит.

Нор покачал головой.

— Он будет идти медленно. И за ним придут.

Я смотрел на пленного.

Он слушал нас без страха. Или умел прятать страх. Иногда это одно и то же, пока человек не остаётся один.

— Если убьём, — сказал я, — они расскажут, что Север режет дорожников, которые дают зверя. Если потащим, будем медленнее, и дым уже сказал, где мы. Если отпустим с красным, он вернётся с именем.

Тарг спросил:

— Значит?

Я поднял красную пластину.

Потом красный нож.

— Забираем статус. Не жизнь.

Пленный резко поднял голову.

— Это не твоё.

— Вот теперь ты понял.

Я положил пластину в свой мешок.

Нож передал Таргу.

Он взял его, как берут грязную кость.

Не за рукоять. Через кусок кожи.

— Сломать? — спросил он.

— Нет. У общего огня. При всех.

— Опять счёт.

— Да.

Он посмотрел на нож.

— Камнем резать дольше.

— Зато камень не говорит за тебя.

Тарг ничего не ответил.

Пленного связали его же ремнями к низкому стволу. Не так, чтобы умер сразу. Не так, чтобы ушёл быстро. Нор оставил узел, который можно развязать зубами и одной рукой, если очень долго стараться. Варг поставил рядом кусок льда и бросил ему старую шкуру.

Эр зло сказал:

— Ещё бульон дай.

Варг посмотрел на него.

— Живой враг, который замёрз зря, не говорит полезно даже лесу.

Эр отвернулся.

Пленный смотрел на меня.

— Думаешь, ты не такой?

Я не ответил.

Он улыбнулся.

— Ты тоже считаешь. Только ещё не любишь это слово.

Эта фраза осталась во мне.

Мы начали работать с дорогой.

Тарг сначала не понял.

— Мы пришли не траву переставлять.

— Именно её, — сказал я.

— У нас там мясо, ребёнок и люди, которые ждут.

— Поэтому мы не будем просто ломать.

Он смотрел так, будто хотел решить, стал ли я безумнее за ночь.

Я начертил на снегу схему.

Широкий вход.

Запах хищника.

Горькая трава.

Подвески.

Петли.

Каменный узкий проход.

Вода ниже.

— Если всё сломать, — сказал я, — они поймут, что дорога умерла. Поставят другую.

Если повернуть, они поверят своей дороге ещё один раз.

Нор кивнул первым.

— Можно.

Варг тоже.

— Запахи поменять местами. Не все. Только те, которым доверяют.

Тарг посмотрел на них обоих.

— И вы поняли это из палок?

— Из палок тоже, — сказал Нор.

Работа была медленной.

И неприятной.

Нам всем хотелось сделать что-то ясное: сломать, сжечь, добить, принести голову, принести мясо, принести знак победы. Вместо этого мы переставляли ветки, меняли пучки травы, ослабляли петли так, чтобы они рвались под тяжёлым зверем, но выглядели целыми, переносили хищную шкуру на другой камень, разворачивали костяные подвески так, чтобы звук уходил не к южной воде, а к старому северному ходу.

Нор работал точно.

Варг — почти бесшумно.

Харн — осторожно, слишком осторожно, но полезно. Один раз жила порезала ему палец. Он посмотрел на кровь и хотел спрятать руку. Потом не спрятал. Просто вытер о снег и продолжил.

Тарг таскал колья.

Выдёргивал те, что надо было переставить. Вбивал новые под углом. Его сила здесь была нужна, но не как удар. Ему приходилось делать руками чужую тонкую работу. Это раздражало его больше, чем пленный.

— Юг воет палками, — сказал он.

— Юг воет тем, что потом делает копьё ненужным, — ответил я.

Он задумался.

Ненадолго.

Но всё же.

Эр сидел на камне, держась за больную ногу, и резал маленькие куски коры, которыми Нор велел закрывать старые следы. Он делал это плохо. Потом лучше. Потом почти нормально. Иногда смотрел в сторону связанного пленного.

Тот молчал.

И это молчание тоже работало.

Мы не знали, смотрят ли за нами ещё.

Варг дважды поднимал голову. Один раз ушёл в сторону и вернулся с лицом, на котором ничего не было. Это всегда означало, что что-то есть, но он пока не может дать этому имя.

Ближе к полудню из нижнего леса донёлся короткий свист.

Пленный поднял голову.

Тарг схватил копьё.

Свист не повторился.

Мы замерли.

Потом Нор тихо сказал:

— Уходить надо.

Не потому что всё сделали.

Потому что дальше работа становилась жадностью.

Мы оставили дорогу не разрушенной.

И не нашей.

Повернутой.

Это было хуже для гордости, но лучше для будущего.

Перед уходом я положил на открытый камень маленькую северную кость.

На ней Нор вырезал знак дороги: две линии между камнями.

Сая потом сказала бы, что это нужно делать у общего огня. Но здесь тоже нужен был знак. Не для Юга. Для нас самих. Чтобы понимать: мы видели не только мясо. Мы видели путь.

Тарг положил рядом с костью маленький обломок южной подвески.

— Зачем? — спросил я.

— Чтобы они знали, что их кость звенела в нашей руке.

Хороший ответ.

Не полный.

Но хороший.

Мы возвращались без мяса.

И это делало дорогу тяжелее, чем вчерашняя волокуша.

Когда люди видят кровь на одежде, они ждут тушу, пленного или смерть. Мы несли красный нож, снятую пластину, запах горького дыма, несколько костяных подвесок и знание, которое нельзя сварить.

Эр хромал сильнее.

Харн держал плечо неподвижно.

Тарг шёл молча.

Нор всё время оглядывался, проверяя, не идёт ли за нами тот, кто свистнул ниже.

Варг нёс собачий знак. Не в мешке. В руке. Будто не хотел, чтобы чужой звериный счёт касался его вещей.

У стоянки нас увидели дети.

И сразу посмотрели за наши спины.

Нет волокуши.

Нет мяса.

Нет пленного.

Один мальчик спросил:

— Где зверь?

Мать дёрнула его назад, но слово уже вышло.

Где зверь.

В этом был весь смысл дня.

Стоянка хотела мяса. Мы принесли дорогу. Люди ещё не знали, как есть дорогу.

Сая вышла к нам первой.

Она посмотрела на моё лицо, потом на руки, потом на мешок.
— Дым был?
Я кивнул.
— Был.
— Дышали?
— Как велела.
— Все?
Я посмотрел на Тарга.
Тарг хмуро сказал:
— Дышали.
Сая приняла это как отчёт.
Потом увидела плечо Харна.
— Садись.
— Потом.
— Сейчас.
Он сел.
Без спора.
Это заметили молодые.
Тарг тоже.
Хад вышел за Саей. Посмотрел на Эра.
— Нога?
— На месте.
— Это не ответ.
— Плохая. Но идёт.
Хад кивнул. Потом посмотрел на меня.
— Что принесли?
Я выложил у общего огня предметы.
Красный нож дорожника.
Красную пластину.
Костяную подвеску.
Пучок горькой травы.
Собачий знак.
Кусок перерезанного мясного ремня.
Люди смотрели молча.
Слишком долго.
Потом кто-то сказал:
— Мяса нет.
Тарг повернулся на голос.
Я думал, он сорвётся.
Он не сорвался.
Он поднял красный нож через кусок кожи и положил его рядом с другими запретными красными вещами.
Не себе.
Не молодым.
Не у своего огня.
К общему.
Потом сказал громко, чтобы слышали не только первые ряды:
— Они не ловят зверя.
Люди молчали.

Тарг повторил, медленнее:

— Они ловят дорогу.

Это было коротко.

И правильно.

Лучше, чем мои объяснения.

Арк поднял глаза.

— Говори.

Тарг посмотрел на меня. На Нора. На Варга. Потом снова на людей.

— Зверь ходил старым ходом. Они поставили запах, кость, петли, собак, людей. Зверь думал, что идёт сам. Но шёл туда, где его уже считали.

Хад сказал:

— Людей тоже.

Тарг не ответил.

Потому что ответ уже стоял у огня в виде Харна, Эра, красного ножа, кости Саи и большого ребёнка.

Сая перевязала плечо Харну. Камень ударил глубоко, кость, кажется, не сломал, но синяк уже поднимался тёмный, злой. Харн терпел, но когда она нажала слишком сильно, вздрогнул.

— Больно? — спросила она.

— Нет.

— Врёшь хуже Эра.

Эр, сидевший рядом, хмыкнул.

Харн посмотрел на него.

Эр отвернулся, но угол его рта дёрнулся.

Не дружба.

Ещё нет.

Но уже не только недоверие.

Я начертил на снегу у огня то, что видел в лесу.

Стоянка.

Мясные стойки.

Нижний ручей.

Старый звериный проход.

Южная петля.

Камни.

Запах.

Подвески.

Собаки.

Место, где мы повернули воронку.

Люди наклонялись, пытаюсь понять. Для многих линии на снегу всё ещё были чужой привычкой. Они привыкли к следу ногами, к памяти в теле, к словам старших, к камню у входа. Рисунок казался слишком лёгким. Его можно было стереть рукой. Но именно это и было его силой: стереть можно, повторить тоже.

Сая смотрела дольше всех.

Потом взяла маленькую кость и положила её на линию звериной дороги.

— Если дорога даёт мясо, дорогу считают как мясо, — сказала она.

Старуха довольно хмыкнула.

Не от радости.

От признания правильной формы.

Хад нахмурился.

— Дорога не мясо.

Сая подняла на него глаза.

— Пока она свободна — не мясо. Когда её держат — мясо. Когда её закрывают — голод.

Хад не ответил.

Арк сказал:

— Значит, дорога не Нора. Не волчьих. Не Тарга. Не Хада.

Тарг посмотрел на него.

Арк продолжил:

— Общая.

Волчьи у края зашевелились.

Варг впервые за вечер поднял голову резко.

— Общая не значит слепая.

Арк кивнул.

— Волчьи смотрят зверя.

— Нор смотрит снег, — сказал Нор.

Тарг добавил:

— Мои держат копьё.

Хад, после короткой паузы:

— Мои держат нижний вход.

Сая положила рядом вторую кость.

— А счёт держит круг.

Я смотрел на эти кости и понимал: вот так рождается порядок. Не из красивых слов. Из того, что кто-то режет мясо ночью, кто-то кашляет у детского входа, кто-то проваливается в болотную воду, кто-то ставит петлю на зверя, кто-то должен решить, чей будет следующий кусок жира.

В прошлой жизни порядок часто приходил уже готовым: таблицы, карты, уставы, инструкции, контракты. Здесь он рождался на снегу. Его могли затоптать. Он мог замёрзнуть. Он мог стать цепью, если держать его слишком крепко.

Пленный дорожник сказал: “Ты тоже считаешь.”

Я не хотел помнить это.

Помнил.

Вечером мясо снова проверяли.

Теперь не как еду.

Как границу.

Кел, с перевязанным виском, стоял у нижней стойки. Хад хотел убрать его, но Кел упрямо остался. Рядом стоял один из молодых Тарга. Не Харн. Другой. И ещё один человек Арка. Не потому что не доверяли Келу. Потому что теперь каждый дозор должен был быть общим, иначе Юг снова найдёт личный вход.

Сая вернулась к ребёнку.

Он всё ещё дышал ровнее.

Не хорошо.

Ровнее.

Мать больше не смотрела на место первого свёртка. Но иногда, когда думала, что её не видят, поворачивала голову к нижнему входу. Не к детскому. К нижнему. Туда, где начинались дороги.

Это было новое.

Юг уже сдвинул её взгляд.

Не туда, где лежала соль.

Туда, откуда может прийти мясо.

Поздно, когда свет почти ушёл, к стоянке пришёл волчий подросток.

Я не сразу понял, что он волчий. Он был узкий, быстрый, в серой шкуре, с лицом, которое плохо запоминается у огня и хорошо — в лесу. Варг встретил его раньше дозорных. Они обменялись короткими звуками, не совсем словами, потом Варг повёл его к общему огню.

Подросток держал в руке кусок дерева.

Не большой.

Сырой с одного края, обожжённый с другого. Будто его вытащили из старой метки или сломанного кола.

Он положил дерево на снег.

— Дальний край дороги, — сказал Варг.

Нор присел первым.

Потом я.

Потом Тарг.

На дереве было два знака.

Первый — южный знак дороги. Короткая линия между двумя камнями, потом поворот к воде. Мы уже видели такой.

Второй был грубее.

Неровный.

Вырезан рукой, которая или торопилась, или ещё не привыкла резать знаки.

Три коротких насечки рядом с ломаной дугой.

Я не знал его.

Тарг узнал сразу.

Лицо его не изменилось.

Именно поэтому я понял.

Харн, стоявший за ним, тоже узнал. У него дрогнула перевязанная рука.

— Кто? — спросил Хад.

Тарг не ответил.

Сая вышла из полуземлянки, будто почувствовала, что у огня появился новый холод. Подошла. Посмотрела на дерево.

Молчание стало слишком длинным.

Тарг наконец сказал:

— Эльк.

Имя упало на снег и осталось лежать рядом с южной дорогой.

Над знаком Элька шла тонкая красная линия.

Не кровь. Не случайная царапина. Аккуратная, уверенная, проведённая поверх его старого знака так, будто кто-то не зачеркнул его, а назвал заново.

Харн смотрел на эту линию так, будто она шла по его собственной коже.

Сая тихо сказала:

— Они дали ему имя.

Тарг повернулся к ней.

— Нет.

Слово было сильным.

Но одного слова оказалось мало, чтобы стереть красную линию.

Арк сидел у огня и смотрел на знак молодого, которого не было среди нас. Хад смотрел на Тарга. Молодые Тарга смотрели то на дерево, то на Харна, то в лес. Нор смотрел на дорогу, нарисованную на снегу. Варг смотрел не на знак, а туда, откуда пришёл волчий подросток.

А я смотрел на красную линию и понимал: сегодня мы вернули часть звериной дороги.

Но Юг уже провёл другую.

Не по снегу.

По людям.

Теперь Юг считал не только наши дороги.

Он начал считать наших молодых по новым именам.

Глава 5 "Чужое имя"

Чужое имя

Дерево с именем Элька пролежало у общего огня до рассвета.

Никто не убрал его.

Даже снег, начавший идти под утро, не сразу закрыл красную линию. Он ложился на мокрую кору, таял на тёмных местах, собирался в мелких белых крупинках вокруг зарубок, но сама линия всё равно проступала. Узкая, ровная, чужая. Она шла поверх грубого знака молодого Тарга так, будто не перечёркивала его, а делала новым.

Это было хуже.

Зачёркнутое имя можно было бы назвать смертью.

Новое имя требовало ответа.

У общего огня люди говорили тише обычного. Мясо ещё висело на жердях, дымило, темнело, капало жиром в снег. После лося стоянка должна была стать крепче. В котлах снова была не только вода. У больного ребёнка Хада грудь ходила ровнее. Женщины резали мясо уже не тончайшими полосами, а такими, которые можно было назвать едой. Дети снова начали толкаться у огня, и старухи снова ругали их не от страха, а от привычки.

Но радость не удержалась.

На снегу лежало имя Элька.

И рядом с ним — южная дорога.

Тарг стоял у огня ещё с ночи.

Не двигался.

Когда волчий подросток принёс кусок дерева, Тарг узнал знак первым. Я видел это по лицу. Не по словам. Слов у него тогда не было. Он просто посмотрел на грубые насечки, на ломаную дугу, на красную линию сверху — и в нём что-то стало очень тихим.

Так бывает не от спокойствия.

Так бывает, когда человек держит внутри удар, чтобы он не разошёлся по всем.

Харн стоял чуть дальше.

Он тоже узнал.

В этом была своя жестокость. Юг уже оставлял для него пустое место. Уже давал ему красный металл. Уже звал его через слабость, которую свои слишком долго называли только позором. Теперь Харн смотрел на знак Элька и видел не просто чужой уход.

Он видел дорогу, на которой сам почти стоял.

Сая вышла из полуземлянки Хада, когда свет стал серым.

На руках у неё пахло жиром, травой и больным дыханием. Она остановилась у общего огня, посмотрела на дерево, потом на Тарга.

— Это он? — спросила она.

Тарг не сразу ответил.

— Да.

Молодые за его спиной зашевелились.

Кто-то выдохнул слишком резко. Кто-то опустил голову. Кто-то, наоборот, поднял подбородок, будто уже готовился спорить за человека, которого здесь не было.

Сая присела у дерева.

Не коснулась красной линии. Только провела пальцем рядом, по мокрой коре.

— Они не просто увели его, — сказала она. — Они называли его раньше нас.

— Нет, — сказал Тарг.

Одно слово.

Грубое. Каменное.

Сая подняла на него глаза.

— Нет?

— Имя дают свои.

— Тогда почему его имя лежит здесь с чужой линией?

Тарг шагнул ближе.

Несколько молодых напряглись.

Я тоже.

Но Сая не отступила.

Она редко отступала от правды только потому, что перед ней стоял человек с копьём и болью.

— Имя дают свои, — повторил Тарг. — Они дали знак. Не имя.

— Для тех, у кого имя уже есть, это разница, — сказала Сая. — Для того, кто его ждал, может быть нет.

Тарг сжал челюсть.

Он мог ответить. Мог ударить словом. Мог сказать, что Сая не знает молодых, что она сидит у больных, а не у копий, что Эльк был его, что красная линия не делает чужое настоящим.

Не сказал.

Потому что часть сказанного ею уже вошла под кожу.

Арк сидел у старого камня. Он молчал. Но молчание Арка всегда работало сильнее чужих попыток успокоить. Старый вождь понимал: если сейчас он скажет слишком много, Тарг услышит приказ, а не помощь. Если скажет слишком мало, молодые услышат пустоту.

Хад подошёл позже.

Он посмотрел на знак Элька, потом на своих людей, потом на Тарга.

— Молодой сам ушёл? — спросил он.

Тарг резко повернулся к нему.

— Нет.

— Ты видел?

Вокруг огня стало холоднее.

Эр, стоявший рядом с Хадом, опустил глаза. После болотной воды и лосиной дороги он стал ближе к нашим, но не настолько, чтобы забыть, где его род. Он тоже хотел знать: молодых забрали силой или они пошли к еде, металлу и имени сами?

Тарг смотрел на Хада так, будто тот положил руку на рану и ещё спросил, болит ли.

— Если бы ушёл сам, — сказал Хад, — это хуже. Поэтому я спрашиваю.

В этом была честность.

И потому Тарг не ударил.

Он отвернулся к своим молодым.

— Никто не говорит об Эльке как о чужом.

Один из молодых, высокий, с узким лицом и слишком быстрыми глазами, сказал:

— А если он сам там сел?

Тишина стала такой плотной, что слышно было, как жир капнул в огонь.

Тарг медленно повернулся.

— Что?

Молодой побледнел, но не отступил.

— Я сказал: если он сам там сел?

Другой, ниже ростом, добавил уже тише:

— Эльк не слабый.

Третий буркнул:

— Красный знак детям не дают.

Тарг шагнул к ним.

Я видел, как его тело уже решило раньше головы: остановить, прижать, заставить замолчать, вернуть порядок силой, пока трещина не пошла дальше.

Но он остановился.

Не далеко от них.

Достаточно близко, чтобы каждый помнил, кто перед ним.

Достаточно далеко, чтобы это ещё не было дракой.

— Говорите, — сказал он.

Молодые не ожидали.

От этого стало хуже. Когда людям дают говорить, они иногда пугаются собственных слов сильнее, чем чужого удара.

Тот, что первым спросил про Элька, сглотнул.

— Если Юг дал ему знак, значит, видел его.

— Мы тоже видели, — сказал Тарг.

— Как кого? — спросил молодой. — Как руки? Как ноги? Как того, кто несёт? Кто бежит?

Кто ждёт, пока старшие скажут?

Тарг молчал.

Харн стоял сбоку, у самого края молодых. Лицо у него было серое, но глаза не уходили в снег. Правая рука ещё плохо сгибалась после ледяной воды, плечо болело от пращи в лесу, но сейчас болело не это.

Он сказал тихо:

— Когда мне дали металл, я не думал о Юге.

Все посмотрели на него.

Даже Тарг.

Харн не сразу продолжил.

— Я думал, что меня наконец увидели.

Никто не сказал ни слова.

Хорошее молчание бывает редко. Это было не хорошее. Оно было нужное. Как боль, которая говорит, где гниёт рана.

Тарг смотрел на Харна долго.

Раньше он ударил бы его. Или выгнал из круга молодых. Или сказал бы, что вор красного металла не имеет права говорить о видении.

Теперь он не сделал ничего.

Это стоило ему больше, чем удар.

— Тебя увидели, — сказал он наконец. — Но не те.

Харн кивнул.

— Знаю.

— Поздно знаешь.

— Да.

Ответ был простой.

И потому Тарг не нашёл, куда ударить.

Сая смотрела на них обоих. У неё было лицо человека, который видит не примирение, а цену, которую ещё долго будут платить.

Она сказала:

— Юг покупает не предателей. Он покупает то, что мы оставили голодным.

Тарг повернулся к ней.

— Хватит.

— Нет, — сказала она. — Не хватит. Пока вы называете это только слабостью, они будут называть это именем.

Он сделал шаг к ней.

Арк поднял руку.
Не резко.
Но все увидели.
Тарг остановился.
Старик сказал:
— Сегодня не бьют своих за слова.
Молодые опустили головы.
Тарг не опустил.
Но и не двинулся дальше.
День прошёл тяжело.
Не потому что случилось много.
Потому что все ждали, когда случится.

Мясо сушили, но люди всё чаще смотрели не на жерди, а на лес. У детского входа Хада стало тише: ребёнок спал, просыпался, пил бульон, кашлял, снова спал. Мать больше не смотрела на место первого свёртка так часто, как раньше. Теперь она иногда смотрела туда, где начиналась нижняя дорога. Юг уже сдвинул её ожидание. Не соль. Мясо. Дорога. Тот, кто может дать раньше.

Волчьи держались у края стоянки.

Варг почти не говорил. Его звери лежали низко, мордами к лесу. Иногда один поднимал голову, слушал, потом снова опускал. Это было хуже рычания. Рычание сообщает, что угроза здесь. Тишина сообщает, что она умеет ждать.

К вечеру Нор пришёл ко мне без звука.

Он всегда так приходил, когда хотел, чтобы вопрос уже считался ответом.

— Слышал? — спросил он.

— Нет.

— Значит, плохо слушал.

Мы стояли у нижнего края стоянки. Снег под ногами начал схватываться тонкой коркой. Дым от костров шёл низко, потом рвался на куски и уползал между деревьями.

Из леса донёсся звук.

Один.

Потом второй.

Потом третий.

Не ветка. Не зверь. Не случайная кость на ремне.

Три коротких сухих звука.

Костяные подвески.

Нор посмотрел на меня.

— Так не ходит зверь.

Варг уже был рядом.

— И не зовёт своего, — сказал он.

— Кого зовёт?

Варг смотрел в темноту.

— Того, кто должен захотеть ответить.

Не надо было спрашивать, кого.

Тарг услышал до того, как мы успели позвать.

Он вышел от своего огня с копьём в руке. За ним поднялись молодые. Не все. Но слишком многие.

— Нет, — сказал я сразу.

Он посмотрел на меня.

— Ты ещё не знаешь, что я скажу.

— Знаю.

— Тогда говори за меня.

— Ты хотел бы взять всех.

— Да.

— Именно поэтому нет.

Он подошёл ближе.

— Там Эльк.

— Или то, что хочет, чтобы ты так думал.

— Значит, я пойду смотреть.

— Пойдём малым числом.

— Я сам выберу.

— Нет, — сказал Арк за моей спиной.

Тарг повернулся.

Арк стоял у огня, но его голос дошёл до нижнего края без усилия.

— Малый выход. Большой огонь остаётся целым.

Молодые за Таргом зашумели.

Арк посмотрел не на них, а на Тарга.

— Если уведёшь всех, Юг получит сразу два огня: тот, к которому ты пойдёшь, и тот, который оставишь без себя.

Тарг сжал древко.

— Если не пойду, он решит, что я боюсь.

— Он уже решил, что ты пойдёшь, — сказал Арк. — Поэтому пойдёшь не так, как он ждёт.

Это было правильное слово.

Тарг его ненавидел.

Но слышал.

Сая подошла с полуземлянки Хада. На плече у неё была шкура, в руках — тонкий сыромятный ремень. Не широкий, как для волокуши. Узкий, прочный, мягко выделанный. Такой удобно завязать быстро. Или удержать руку. Или вытащить человека, который сам уже не знает, идёт он или падает.

Она протянула ремень Таргу.

Он посмотрел на него с раздражением.

— Опять ремень?

— Не для врага, — сказала Сая.

— А для кого?

— Для своего. Если он сам не знает, куда идёт.

Тарг не взял сразу.

— Свои идут сами.

Сая ответила:

— Не всегда.

Эти два слова задели сильнее, чем длинная речь.

Тарг взял ремень и перекинул через плечо.

— Кто идёт? — спросил он.

Я назвал:

— Я. Ты. Нор. Варг. Харн. Эр.

Эр поднял голову.

Хад сразу сказал:

— Нога.

— Идёт, — ответил Эр.

— Плохо идёт.

— Зато моя.

Хад посмотрел на него тяжело.

— Ты всё ещё думаешь, что смелость лечит кожу.

Эр не нашёл ответа.

Но всё равно шагнул к нам.

Хад не остановил.

Харн стоял у молодых Тарга.

Не делал шаг. Ждал, назовут ли его снова.

Когда я произнёс его имя, он моргнул. Всего один раз. Но так, будто не ожидал, что после дерева с Эльком его всё ещё можно назвать при всех.

Тарг посмотрел на него.

— Пойдёшь рядом с Нором. Не впереди меня. Не сзади всех. Рядом с глазами.

Харн кивнул.

— Да.

— И если увидишь красное?

Харн ответил не сразу.

— Скажу.

— Не возьмёшь?

— Не тайно.

Тарг замолчал.

Это был не тот ответ, который он ждал.

Но, может быть, более правильный.

Я тоже услышал.

Не тайно.

Вот чему мы учили себя все эти дни. Не тому, что чужую вещь нельзя тронуть никогда. А тому, что тайно взятая вещь сразу начинает говорить чужим голосом.

Сая слышала тоже.

И ничего не сказала.

Лес за стоянкой был плотный и мокрый.

Ночь ещё не опустилась полностью, но свет уже ушёл из-под ветвей. Снег сверху взялся тонкой ледяной коркой. Под ней лежала рыхлая мокрая масса, и каждый шаг сначала держал, потом проваливался. Ветки карликовых берёз цепляли обмотки. Низкие ели били по лицу мокрыми лапами. Иногда с них падал снег, и холод входил за ворот так резко, что тело вздрагивало раньше мысли.

Костяные подвески звякнули снова.

Дальше.

Три коротких звука.

Тарг сразу повернул голову туда.

Нор поднял руку.

— Не прямо.

Тарг сжал зубы, но остановился.

Нор присел у снега.

— Они хотят, чтобы мы шли на звук.

— Зачем тогда звук? — спросил Эр.

— Чтобы мы забыли про тишину.

Варг кивнул.

— Собаки ниже.

Я ничего не слышал.

Но Варг уже смотрел не туда, откуда пришёл звук, а левее. Вниз, к старому звериному ходу.

Мы пошли дугой.

Медленно.

Слишком медленно для Тарга. Он двигался так, будто каждый шаг в сторону был предательством Элька. Но шёл. Это тоже было боем.

На ветках начали попадаться подвески.

Мелкие кости птицы. Рыбы рёбра. Тонкие кусочки рога. Их подвешивали не на уровне лосиной груди, как на звериной дороге, а ниже и выше, в человеческий рост. Если идти быстро, заденешь плечом. Если пригнуться, заденешь копьём. Если поднимешь ветку, звякнет соседняя.

— Это не для зверя, — сказал Харн.

Нор посмотрел на него.

— Для нас.

Харн кивнул.

— Для тех, кто боится опоздать.

Тарг услышал.

Не ответил.

Но шаг стал медленнее.

Харн заметил первую настоящую ловушку раньше Нора.

Он остановился, не поднимая руки. Просто перестал дышать громко. Я уже начинал узнавать это в нём: когда Харн видел неправильный снег, его тело становилось тише.

— Жила, — сказал он.

Нор присел.

Тонкая жила шла от низкой ветки к сухому корню, почти сливаясь с тенью. Если задеть — подвески зазвонят не здесь, а дальше, там, где ждут. Не ловушка на тело. Ловушка на наше место.

Нор срезал жилу каменным сколом и поймал кость, которая должна была упасть.

Ни звука.

Тарг посмотрел на Харна.

— Дальше.

Короткое слово.

Но Харн выпрямился чуть заметнее.

Мы вышли к малому огню, когда сумерки стали чёрными между стволами.

Огонь был закрыт камнями с трёх сторон. Низкий, сухой, без лишнего дыма. Дрова лежали под шкурой, чтобы не мокли. Рядом — маленький мешочек с солью, кусок сушёной рыбы, несколько костяных пластин, две красные полосы металла, тонкий нож на камне, будто случайно оставленный там, где его хорошо видно.

Ничего не было случайным.

У огня сидели пятеро.

Трое северных клиентов Юга. Один старший, с мягким ремнём через грудь и красной пластиной у горла. Второй — широкоплечий, с собакой на коротком ремне. Третий — молодой, быстрый, с пращей на коленях.

Четвёртый был Рун.

Он стоял чуть дальше от огня, держа связку сухих веток. Руки у него были красные, потрескавшиеся, но не связанные. На первый взгляд он был свободен. На второй — нет. Связка дров, место, взгляд старшего, мешочек с солью, чужой огонь — всё держало его лучше ремня.

Пятый был Эльк.

Он сидел ближе к огню.

Не связан.

На запястье у него была красная пластина.

Не нож. Не наконечник. Не рабочий инструмент.

Знак.

Он держал руку так, чтобы пластину было видно.

И это было хуже любого ремня.

Тарг увидел его и перестал быть осторожным.

Не бросился.

Но вышел из тени первым.

— Домой, — сказал он.

Эльк поднял глаза.

Он изменился не сильно. И именно поэтому стало больнее. Тот же молодой, те же плечи, та же резкая линия подбородка, та же привычка смотреть чуть исподлобья, будто всё время готов принять удар или ответить. Но сидел он иначе. Не у края. Не там, где молодой ждёт старшего слова. Он сидел так, как садится человек, которому дали место заранее.

Старший клиент улыбнулся.

— Хорошо пришли.

Тарг даже не посмотрел на него.

— Домой, — повторил он.

Эльк медленно положил ладонь с красной пластиной на колено.

— К какому огню?

У Тарга дёрнулась щека.

— К своему.

— У нас теперь много своих огней.

— Не играй словами.

— Я не играю. Я спрашиваю.

Эр рядом со мной тихо выругался.

Рун стоял с ветками и смотрел на землю. Он не поднял глаз на Тарга. Не поднял на Элька. Не поднял на нас. Это было плохо. Человек, который боится смотреть, уже частично отвечает чужим счётом.

Тарг сделал шаг к Эльку.

Собака у широкоплечего клиента тихо зарычала.

Варг исчез из моего бокового зрения.

Просто был — и не стало.

Я почувствовал, как ситуация начинает складываться не в разговор, а в форму засады.

Старший клиент говорил слишком спокойно.

Эльк сидел слишком открыто.

Рун стоял слишком удобно для рывка.

Костяные подвески вокруг огня не звенели от ветра.

Значит, ждали рук.

— Тебя купили, — сказал Тарг.

Эльк посмотрел на него.

— Нет.

— Солью? Рыбой? Красной костью?

Эльк поднял руку с пластиной.

— Меня увидели.

Харн за моей спиной втянул воздух.

Эльк услышал.

И посмотрел на него.

— Ты понимаешь.
Харн побледнел.
Тарг резко сказал:
— Не говори с ним.
Эльк усмехнулся.
— Почему? Он почти дошёл раньше меня.
Харн сделал шаг вперёд.
Я остановил его рукой.
Он дрожал.
Не от страха. От узнавания.
Эльк снова повернулся к Таргу.
— Там я был твоим молодым. Здесь меня называли.
— Твоё имя было у нас.
— Где?
Тарг замолчал.
Эльк поднялся.
Не быстро. Чтобы никто не подумал, что он нападает. Но собака снова зарычала.
— Когда надо было нести, ты говорил: Эльк. Когда надо было бежать — Эльк. Когда надо было стоять с копьём — Эльк. А когда у огня делили место, я был “один из молодых”.
— Ты хотел всё сразу.
— Нет. Я хотел, чтобы моё имя сказали до того, как я стану костью у чужого огня.
Старший клиент слегка повернул голову.
Я увидел этот жест.
Слишком маленький.
Широкоплечий с собакой сделал полшага в сторону. Молодой с пращей переставил ногу.
У Руна связка веток вдруг оказалась не просто ветками — в ней был пропущен тонкий ремень, уходящий к камню у огня. Если его дёрнуть, Рун упадёт.
Разговор был не целью.
Разговор был кожей на ловушке.
Я поднял руку Нору.
Он уже видел.
Нор скользнул влево, к ближайшей подвеске. Харн шагнул за ним. Эр пошёл правее, слишком громко для Нора, но достаточно тихо для человека с больной ногой. Варг оставался где-то ниже, возле собаки.
Старший клиент улыбнулся шире.
— Вы пришли за своим, — сказал он. — Хорошо. Свой должен сам сказать, где его огонь.
— Он скажет у нашего огня, — сказал Тарг.
Эльк покачал головой.
— Ты опять хочешь принести меня как мясо.
Эта фраза ударила.
Не только по Таргу.
По всем нам.
Потому что мы действительно всё время приносили что-то к огню: соль, кости, мясо, ремни, знаки, ножи. Теперь человек говорил, что не хочет быть принесённым.
Тарг шагнул ещё ближе.
— Я несу своих, когда они падают.
Эльк посмотрел на него почти с болью.
— А когда они стоят не там, где ты хочешь?
Ответа не было.

Праща щёлкнула первой.
Камень ударил не в Тарга.
В подвески над Нором.
Кости зазвенели сразу в трёх местах.
Собака сорвалась.

Широкоплечий отпустил ремень не полностью, а на длину броска. Хороший ход. Собака не ушла далеко, но достала бы Варга, если бы Варг был там, где должен был быть человек.

Варг был ниже.

Он метнул в сторону кусок старой шкуры, натёртой чем-то резким. Собака повернула морду на запах, рванулась боком, ремень натянулся, широкоплечего потянуло за ней. Эр ударил его древком по колену. Удар вышел плохой, не чистый, потому что нога Эра подвела. Но хватило: человек пошатнулся.

Харн бросился к подвескам.

Не к Эльку.

Не к красной пластине.

К костям.

Он подхватил одну связку, чтобы та не звенела дальше, но вторая сорвалась сверху и ударила его по лицу мелкими костями. Он зажмурился, на миг потерял обзор.

Молодой с пращей уже тянулся за новым камнем.

Я ударил его раньше, чем он встал.

Не красиво.

Плечом в грудь, коленом в бедро, рукой в горло. Он упал на спину, выдохнул, потерял камень. Я хотел удержать его живым. Он понял это и стал опаснее: живой враг всегда пытается стать мёртвым или свободным раньше, чем ты решишь, что с ним делать.

Старший клиент ударил Тарга ножом.

Обычным каменным, не красным.

Тарг отбил копьём, но не отступил. Он шёл к Эльку.

Эльк стоял на месте.

И это было страшнее, чем если бы он убежал.

Тарг схватил его за плечо.

— Идём.

Эльк не вырывался сразу.

Только сказал:

— Ты опять не спрашиваешь.

Тарг зарычал.

— Потом спросишь.

В этот момент Рун упал.

Ремень в связке дров дёрнули с другой стороны огня. Может быть, старший. Может быть, тот, кого я не увидел в темноте. Рун пошёл вниз лицом к огню, ветки рассыпались, сухие тонкие палки вспыхнули ярко, слишком ярко для малого костра. Пламя лизнуло ему рукав.

Рун закричал.

Не как воин.

Как молодой, который наконец перестал выдерживать.

Тарг держал Элька.

Одна рука на его плече.

Полшага — и можно было рвануть назад. Ещё полшага — и Эльк оказался бы между нами. Может быть, мы бы довели его до стоянки. Может быть, он бы шёл связанным. Может быть, потом сказал бы, что его украли свои.

Рун горел у огня.

Сая дала Таргу ремень.

Не для врага.

Тарг отпустил Элька.

Он сорвал с плеча сыромятный ремень, бросил петлёй через огонь и поймал Руна под мышку. Пламя уже взялось за край меха. Тарг дёрнул так, что Рун вылетел из огня вместе с углями, снегом, ветками и криком.

Эльк остался стоять.

Я увидел его лицо.

Он не улыбался.

Не радовался.

Он сделал движение вперёд, будто хотел помочь. Или мне показалось. Старший клиент положил ему руку на грудь. Не силой. Напоминанием.

Эльк остановился.

Харн увидел это тоже.

И, кажется, понял больше, чем хотел.

Молодой с пращей подо мной извернулся, ударил меня лбом в скулу. В глазах вспыхнул белый свет. Я потерял его на мгновение. Этого хватило. Он выскользнул, оставив в моей руке кусок своего ремня, и ушёл в темноту между камнями.

Нор метнул короткое копьё ему вслед.

Не попал.

Или не хотел попасть в спину слишком молодому человеку. Я не знал. Нор ничего не объяснил.

Эр сцепился с широкоплечим. Собака рвалась между ними, зубы щёлкали у бедра Эра. Варг ударил не собаку, а снег перед её мордой, бросив туда горящую ветку. Собака отпрянула, заскулила, ремень натянулся, широкоплечий потерял равновесие. Эр ударил его лбом в лицо. Плохой, дикий, северный удар. Человек рухнул на колени.

Харн в этот момент увидел красный нож.

Он выпал у старшего клиента и лежал рядом с огнём, наполовину в снегу. Красное лезвие было тонким, ровным, живым в свете пламени. До него было меньше шага.

Харн замер.

Не надолго.

Но я увидел.

Тарг в это время тащил Руна из огня. Нор резал подвески. Эр держал широкоплечего. Варг работал с собакой. Я вставал после удара.

Никто не смотрел на Харна.

Почти никто.

Харн протянул руку.

Потом сжал пальцы.

Не взял.

Он пнул нож в снег так, чтобы тот отлетел к Нору.

— Видели! — крикнул он.

Голос сорвался.

Но слово дошло.

Нор бросил на нож кусок шкуры, подхватил через него и сунул за пояс не как добычу, а как грязную улику.

Тарг услышал.

Эльк тоже.

Вот это было важно.

Эльк посмотрел на Харна так, будто впервые за ночь увидел не того, кто почти дошёл до Юга, а того, кто сумел остановиться у красного.

Старший клиент понял, что огонь проигран.

Он свистнул.

Два коротких звука.

Из темноты ответил третий.

Не подвеска.

Человек.

Значит, их было больше.

— Уходим! — сказал я.

Тарг держал Руна одной рукой, копьё другой. Рун кашлял, рукав у него дымился, кожа на запястье уже пошла пузырями.

— Эльк! — рявкнул Тарг.

Эльк стоял у края света.

Красная пластина на руке горела маленькой чужой луной.

— Домой!

Эльк сделал шаг назад.

Не побежал.

Отступил.

— Я вернусь, — сказал он.

— Сейчас!

— Когда у меня будет имя, которое не надо просить.

Тарг рванулся.

Я встал перед ним.

Это было глупо.

Он мог снести меня, как молодое дерево. И, возможно, хотел.

Но за его спиной Рун едва держался на ногах. Эр хромал. Харн был с разбитым лицом. Нор держал красный нож через шкуру. Варг пятился, не выпуская собаку из взгляда. В темноте уже двигались другие.

— Если пойдёшь, потеряешь Руна, — сказал я.

Тарг смотрел не на меня.

На Элька.

Эльк стоял ещё мгновение.

Потом старший клиент отступил в темноту. Собака дёрнулась за широкоплечим. Молодой с пращой исчез между камнями. Эльк ушёл последним.

Не как пленник.

Не как победитель.

Как человек, который хотел, чтобы мы видели: ноги у него свободны.

Тарг издал звук, от которого даже Варг повернул голову.

Не крик.

Не рычание.

Что-то ниже.

Рун обмяк у него на руке.

И это остановило его окончательно.

Мы ушли не победителями.

Мы уходили быстро, но не бегом. Бег в таком лесу отдаёт спину тем, кто знает подвески лучше тебя. Нор шёл первым, срезая или обходя костяные голоса. Харн держался рядом, хотя кровь текла у него из разбитой губы, а плечо после старого удара снова плохо слушалось. Эр тащил одну сторону Руна, но нога подводила, и в итоге Тарг почти полностью взял Руна на себя.

Ремень Саи всё ещё был на груди Руна.
Он стягивал его мех, удерживал обожжённую руку и не давал молодому свалиться в снег.
— Не держи так крепко, — сказал я Таргу.
— Он падает.
— Задушишь.
Тарг ослабил ремень.
Рун закашлялся.
— Эльк... — сказал он.
Тарг остановился.
Все замерли.
— Что Эльк?
Рун не ответил сразу. Его губы тряслись. Не только от холода. От того, что слова внутри были опаснее ожога.
— Он сам сел ближе к огню.
Тарг закрыл глаза.
Только на миг.
Потом открыл.
— Идём.
Больше он ничего не спросил.
Это было хуже.
У стоянки нас встретили без криков.
Люди уже знали по нашему шагу: мы принесли не то, за чем шли.
Дозорные увидели Руна первыми.
Потом Харна с кровью на лице.
Потом ремень на груди Руна.
Потом то, что Элька нет.
Молодые Тарга поднялись у своего огня. Их было много. Слишком много. Они смотрели за наши спины, как дети утром смотрели за волокушу, когда ждали мясо.
Нет Элька.
Этот ответ был виден без слов.
Тарг донёс Руна до общего огня и только там опустил на шкуру.
Не у своего огня.
У общего.
Сая была уже рядом.
Она ничего не спросила.
Сначала рукав.
Потом ожог.
Потом дыхание.
Потом глаза.
Она разрежала обгоревший мех каменным лезвием, отодрала прилипшую ткань. Рун вскрикнул. Тарг дёрнулся, будто крик ударил его самого.
— Держи его, — сказала Сая.
Тарг положил ладонь Руну на плечо.
— Не так, — сказала она. — Ты его не прибиваешь к земле.
Он ослабил руку.
Сая работала быстро.
Мёд у нас был редкостью, почти роскошью; его не было. Жир был. Чистая зола была. Тёплая вода. Горькая трава. Мох. Старая мягкая кожа для повязки. Не то, что надо. То, что есть.

Арк подошёл к огню.
Хад за ним.
Старуха наклонилась над Руном и понюхала его мех.
— Южный дым.
Варг бросил у огня собачий ремень.
Нор положил рядом красный нож, завернутый в шкуру.
Харн сам положил рядом обломок костяной подвески.
— Видели, — сказал он.
Тарг посмотрел на него.
Не сейчас.
В его глазах было слишком много Элька.
Молодые Тарга стояли полукругом.
Один из них спросил:
— Где он?
Никто не сделал вид, что не понял.
Тарг не поднял головы.
— Ушёл.
— Связанный?
Рун, лежавший на шкуре, вдруг открыл глаза.
— Нет.
Это слово прозвучало громче, чем крик.
Молодые зашевелились.
Хад посмотрел на Арка.
Сая продолжала перевязывать ожог.
Тарг медленно поднял голову.
— Молчи, пока Сая держит руку.
Рун сглотнул.
— Он не был связан.
Тарг закрыл глаза.
— Я сказал — молчи.
Сая резко сказала:
— Нет. Пусть говорит, пока помнит не чужими словами.
Тарг посмотрел на неё так, будто она второй раз за день подошла к самому больному месту и положила туда палец.
Но руку с плеча Руна убрал.
Сая закончила повязку и села рядом.
— Били? — спросила она.
Рун помолчал.
— Нет.
Волчьи у края переглянулись.
Рун добавил:
— Поэтому страшнее.
Эти слова легли на огонь, и никто не захотел их поднимать.
Сая спросила:
— Кормили?
— Да.
— Связывали?
— Сначала нет.
— Потом?

Рун посмотрел на свои руки.

— Потом сказали, что связка дров тоже ремень, если без неё нельзя уйти.

Старуха хмыкнула.

Не от смеха.

От узнавания.

Рун говорил медленно. Иногда останавливался. Иногда смотрел на Тарга и сразу отводил глаза. Иногда на Харна. На Харна он смотрел странно: как на человека, который мог бы понять, но понимание которого тоже опасно.

— Нас нашли у нижней дороги, — сказал Рун. — Мы думали, что это люди с мясом. Они дали рыбу. Соль. Не много. Просто так.

Тарг сжал кулак.

Рун увидел и поспешил:

— Не сразу долг. Они сказали — ешьте, вы же молодые. Сказали, что молодые не должны ждать, пока старые делят кости. Сказали, что Юг знает, кто может стать большим раньше.

Молодые Тарга слушали.

Слишком внимательно.

Рат внутри меня — тот, который видел схемы, а не только лица, — отметил это как угрозу. Рат-человек почувствовал отвращение к себе за то, что отметил.

Рун продолжил:

— Потом дали работу. Дрова. Вода. Собаки. Ночью тепло. Утром сказали: еда была. Сухое место было. Нож рядом был. Соль была. Всё видели.

— Кто сказал? — спросил я.

Рун посмотрел на меня.

— Старший с красной костью.

— Эйвар?

Он покачал головой.

— Не он. Но говорил так, будто слова уже дали ему раньше.

Значит, не центр.

Узел.

Один из многих.

— Что с Эльком? — спросил Тарг.

Рун молчал.

Тарг наклонился ближе.

— Что с Эльком?

— Он слушал.

— И?

— Потом стал отвечать.

Тарг отвернулся.

Это было почти хуже, чем если бы Рун сказал “его били”.

Харн сидел у края огня. Сая ещё не успела обработать его разбитую губу. Кровь засохла на подбородке. Он смотрел на красный нож в шкуре, потом на Руна.

— Ему дали знак сразу? — спросил Харн.

Рун кивнул.

— Не сразу. После того как он сказал, что знает старый звериный ход.

Нор поднял голову.

— Какой?

Рун пожал плечом.

— Не знаю. Он говорил с ними отдельно.

Тарг резко встал.

— Отдельно?

Рун дёрнулся.

Сая подняла руку.

— Сядь.

Тарг не сел.

Но не подошёл ближе.

Рун задышал чаще.

— Я не слышал. Они отвели его за камни. Потом он вернулся с пластиной.

— И сел ближе к огню, — сказал Тарг.

Рун закрыл глаза.

— Да.

Молодые Тарга молчали.

Слишком долго.

Арк сказал:

— Почему тебя отпустили?

Рун открыл глаза.

— Не отпустили.

— Ты ушёл?

— Не знаю.

Это был плохой ответ.

Но честный.

— Они сказали, — продолжил Рун, — если оба уйдём, долг останется на тех, кто привёл.

Если один останется, второй может нести слово. Потом началась драка. Я упал. Тарг вытащил. Я не знаю, это был побег или ответ.

Сая посмотрела на меня.

Мы думали об одном и том же.

Юг не просто держал людей.

Юг создавал ситуации, в которых человек сам не мог понять, свободен он или уже несёт чужую функцию.

— Какое слово? — спросил Хад.

Рун долго молчал.

Потом сказал:

— Молодой, которого не называют, найдёт того, кто назовёт.

Никто не двинулся.

Но я почувствовал, как эта фраза пошла по молодым, как трещина по тонкому льду.

Тарг резко повернулся к ним.

— Слышали?

Они молчали.

— Это не слово. Это крючок.

Один из молодых тихо сказал:

— Крючок цепляет там, где есть мясо.

Тарг шагнул к нему.

Арк поднял голос:

— Не сегодня.

Тарг остановился.

Второй раз за день.

Но если первый раз он удержал себя, теперь его удержали.

Разница была видна всем.

Сая закончила с Руном и потянулась к его второй руке.

Он резко спрятал её под шкуру.
Слишком резко.
Сая замерла.
— Покажи.
— Там ничего.
— Тогда покажи.
Рун смотрел на неё.
Потом на Тарга.
Потом на Эльково дерево у огня.
Медленно вынул руку.
Под обмоткой, чуть выше запястья, была неглубокая зарубка на коже.
Не рана боя.
Слишком ровная.
Не рабский знак.
Слишком малая.
Красная линия уже подсыхала, но вокруг кожа была воспалённой. Резали не камнем.

Чем-то тонким и ровным.

Сая не коснулась сразу.
Старуха наклонилась, прищурилась.
— Слово, — сказала она.
Хад нахмурился.
— Что?
— Не ремень. Не раб. Не мясо. Слово.
Рун начал дрожать.
Сая положила ладонь рядом с его рукой, не на знак.
— Кто сделал?
— Я не видел.
— Врёшь?
— Глаза закрыли.
— Больно было?
Он кивнул.
— Но мало.
Это тоже было частью хода.
Сильную боль можно ненавидеть.
Малую боль человек начинает объяснять.
Сая посмотрела на Тарга.
— Он вернулся не просто так.
— Он вернулся живым, — сказал Тарг.
— Да. И с этим.
— Я вижу.
— Нет, — сказала она. — Ты видишь ожог. Я говорю про знак.
Тарг опустил на корточки перед Руном.
Долго смотрел на зарубку.
Потом на свою руку.
На ремень Саи, всё ещё лежавший рядом, обожжённый на одном краю.
— Срежем, — сказал он.
Рун побледнел.
Сая сразу ответила:
— Нет.

— Это чужое.
— Это его кожа.
— Это их слово.
— Если срежешь его кожу за их слово, кто будет держать нож?
Тарг поднял на неё глаза.
В них было столько злости, что несколько молодых отступили.
Но он не взял нож.
Харн тихо сказал:
— Положить в счёт.
Все повернулись к нему.
Он сам, кажется, не ожидал, что сказал вслух.
— Что? — спросил Тарг.
Харн сглотнул.
— Не резать. Не прятать. Положить в счёт. Чтобы видели. Как соль. Как нож. Как дорогу.
Сая посмотрела на Харна так, будто впервые за вечер увидела не рану, а рост.
Нор кивнул.
— Верно говорит.
Тарг молчал.
Потом взял кусок светлой кости.
Не южной.
Нашей.
Положил перед Руном.
— Сая, — сказал он.
Сая поняла.
Она взяла кость, провела на ней короткую линию: Рун. Рука. Огонь. Возврат.
Потом положила рядом красный нож, завернутый в кожу.
— Это не его долг, — сказала она.
Арк добавил:
— Видит круг.
Хад посмотрел на Руна.
— И Хад видит.
Варг, стоявший у края, сказал:
— И лес слышал.
Старуха сплюнула в снег.
— Пусть подавится тот, кто считает чужую кожу своей костью.
Эти слова были грубые.
Людям стало легче именно потому, что они были грубые.
Тарг сидел перед Руном ещё долго.
Потом сказал:
— Ты ел?
Рун опустил глаза.
— Да.
— Ты сидел у их огня?
— Да.
— Ты хотел назад?
Рун не ответил.
Вот это было честно.
Тарг закрыл глаза.
— Живой молчит лучше мёртвого, — сказал он наконец. — Завтра скажешь остальное.

Рун поднял на него взгляд.

— Ты не убьёшь меня?

Тарг вздрогнул.

Будто Рун ударил его сильнее, чем южный клиент ножом.

— Нет.

— Даже если я не всё помню?

— Нет.

— Даже если я ел?

Тарг сжал челюсть.

— Будешь есть здесь.

Рун заплакал.

Без звука.

Сая отвернулась первой, чтобы дать ему не милость, а место.

Позже, когда людей разогнали по огням, я остался у общего счёта.

Дерево с именем Элька лежало рядом с новой костью Руна.

Южная дорога.

Красная линия.

Знак слова на коже.

Красный нож в шкуре.

Обломок подвески.

Собачий ремень.

Ремень Саи, обожжённый на краю.

Слишком много предметов.

Слишком мало ясности.

Тарг подошёл и сел рядом.

Не у своего огня.

У общего.

Долго молчал.

Потом сказал:

— Я держал его.

— Элька?

— Да.

Я не ответил.

— Рука была здесь, — он сжал воздух перед собой. — Полшага. Я мог вырвать его.

— Мог.

— И потерять Руна.

— Да.

Он смотрел на огонь.

— Я выбрал того, кто упал.

— Ты выбрал живого, которого ещё можно было вынести.

— А того, кто стоял, оставил.

Я не стал говорить, что это правильно.

В таких вещах правильное слово звучит как ложь.

Тарг взял обожжённый ремень Саи.

Покрутил в руках.

— Она знала.

— Что?

— Что я не смогу вернуть его копьём.

Я не ответил.

Сая действительно знала.

Или боялась.

Иногда разницы нет.

Тарг положил ремень рядом с костью Руна.

— Завтра молодые будут говорить.

— Да.

— Пусть говорят.

Я посмотрел на него.

— Ты уверен?

— Нет.

Он поднялся.

— Но если я буду бить каждого за слово, Юг даст им слова мягче.

Он ушёл к своему огню.

Я остался.

В полуземлянке Хада кашлянул ребёнок. Не сильно. Живо. Мать что-то шепнула ему, и кашель затих. У мясных стоек сменился дозор. Волчьи звери лежали у края леса, но головы у них были подняты. Снег снова пошёл мелкой крупой и начал закрывать следы нашего возвращения.

Я смотрел на знак Элька.

Его не вернули.

Руна вернули не целым.

Харн сделал правильный выбор, но никто ещё не знал, достаточно ли этого для имени.

Тарг спас одного и потерял другого сильнее, чем утром.

Сая удержала кожу Руна от нашего ножа, но южная зарубка всё равно осталась на его руке.

Мы снова принесли человека к огню.

И снова не могли сказать, что он полностью наш.

Юг начал возвращать людей так же, как давал соль: не целиком, а с долгом внутри.

Глава 6 "Зимний человек"

Зимний человек

Утром Рун сидел у общего огня и не грелся.

Огонь был рядом. Жар шёл в лицо, дым тянулся низко, жир с мясных полос капал в угли, снег вокруг огня стал мокрым и чёрным от золы. Люди подходили, отходили, говорили тише обычного. Дети смотрели на Руна, пока матери не разворачивали их за плечи. Молодые Тарга делали вид, что не смотрят. Волчьи не делали вид. Они смотрели прямо.

Рун сидел, поджав ноги, и держал обожжённую руку на колене.

Повязка была свежая. Сая меняла её ещё до света. Кожа под ней пузырилась, мокла, пахла жиром, травой и палёным мехом. Но страшнее была не рука.

Страшнее было то, как Рун ел.

Ему дали маленькую чашу горячего бульона. Не много. После южного огня нельзя было сразу давать полный котёл — Сая сказала, что тело может не принять. Он взял чашу двумя руками, хотя одна болела, поднёс к губам и остановился.

Не пил.

Смотрел на край чаши.

Потом поднял глаза на Саю.

— Это записали? — спросил он.

Сая не сразу ответила.

Вокруг стало тихо.

Тарг стоял у своего огня, но услышал. Хад услышал. Арк, сидевший на старом камне, тоже. Даже мать больного ребёнка у входа в полуземлянку Хада повернула голову.

Сая присела перед Руном.

— Что?

Рун посмотрел на чашу.

— Бульон.

— Нет.

— Почему?

Сая взяла с земли маленькую светлую кость, ту, на которой вчера записали его возвращение, ожог и чужой знак на коже.

— Это уже видит круг, — сказала она. — Но бульон сейчас не долг. Это еда для того, кто вернулся.

Рун всё ещё не пил.

— Там тоже так говорили сначала.

У Тарга дёрнулась щека.

— Там не говорили нашим словом.

Рун не посмотрел на него.

— Там говорили тише.

Это было хуже упрёка.

Тарг сделал шаг к нему.

Сая подняла руку, не оборачиваясь.

— Нет.

Он остановился.

Не потому что принял.

Потому что Рун всё ещё держал чашу как кость счёта, а не как еду, и ударить сейчас значило бы доказать Югу, что он говорил правду.

Я стоял за плечом Арка и смотрел на Руна.

Не на ожог.

Не на зарубку на коже.

На паузу между чашей и ртом.

Вот где Юг держал его.

Не ремнём. Не ножом. Не костью. Пауза была внутри. Человек уже вернулся, а рука всё ещё ждала разрешения.

— Пей, — сказала Сая.

— Потом будет кость?

— Потом будет ещё бульон, если сможешь.

Рун моргнул.

Потом выпил.

Маленький глоток. Осторожный. Так пьют не горячее, а опасное.

Молодые Тарга смотрели на него не как на спасённого. И не как на предателя. Пока у них не было слова для того, кто вернулся от чужого огня, ел там, сидел там, принёс слово, потерял Элька, получил знак на коже и теперь боялся собственной чаши.

Старуха нашла слово позже.

Но стоянка уже чувствовала его.

Рун был не целым.

Он был возвращённым.

Хад подошёл к огню и сел напротив Руна.

Не слишком близко. Человек Хада всегда оставлял между собой и чужой болью место для недоверия.

— Били? — спросил он.

Рун поднял глаза.

— Нет.

Тарг резко выдохнул.

Рун услышал и добавил:

— Поэтому страшнее.

Никто не понял сразу.

Или все поняли, но не захотели.

Сая поставила рядом с ним ещё одну чашу, пустую.

— Говори.

Рун смотрел на огонь.

— Если бьют, ты знаешь, где враг. Рука. Нож. Палка. Ремень. Можно ненавидеть. Можно ждать, когда он повернётся. Можно держать боль, пока не упадёшь.

Он говорил медленно, будто каждое слово надо было вынуть из другого места, где оно уже было записано чужой рукой.

— А если дают сухое место, и рыбу, и соль, и говорят: “Ты можешь сидеть ближе к огню, если принесёшь дрова”, — тогда не сразу понимаешь, когда тебя взяли.

Сая молчала.

Тарг отвернулся.

Это был плохой знак. Когда Тарг злился, он смотрел прямо. Когда ему было больно, он отворачивался.

Харн сидел у края молодых. Разбитая губа уже подсохла, плечо после камня держалось плохо, но он всё равно был здесь. Он слушал Руна так, как слушают не рассказ, а собственную возможность, от которой удалось отступить на полшага.

Рун продолжил:

— Сначала ты думаешь: я просто ем. Потом: я просто греюсь. Потом: я просто не ушёл ночью, потому что темно. Потом: я просто жду Элька. Потом: если уйду без слова, они придут к тем, кто меня привёл. Потом ты уже не знаешь, где “просто” кончилось.

У костра хрустнула сырая ветка.

Рун вздрогнул так резко, что бульон расплескался ему на пальцы.

Сая сразу взяла его руку.

— Горячо?

Он смотрел не на пальцы.

На капли бульона на снегу.

— Пропало, — сказал он.

— Что?

— Еда.

Сая закрыла глаза.

Только на миг.

Потом отпустила его руку.

— Здесь пролитый бульон не становится долгом.

Рун кивнул.

Но я увидел: он не поверил. Он просто запомнил фразу как новое правило, которое надо проверять.

Арк заговорил впервые с утра:

— Нужен Сен.

Хад поднял голову.

— Из Ломаного ручья?

— Да.

Тарг повернулся резко.

— Зачем?

Арк посмотрел на Руна.

— Потому что он был там дольше.

— И что? — спросил Тарг. — Будем слушать каждого, кто сидел у южного огня?

Сая поднялась.

— Если не спросим того, кто вернулся, будем слушать тех, кто забрал.

Тарг посмотрел на неё.

— Ты уже решила?

— Нет. Но Рун говорит не всё. Не потому что врёт. Потому что не знает, где его слова, а где их.

Рун опустил голову.

Тарг открыл рот, но ничего не сказал.

Хад медленно провёл ладонью по бороде.

— Сен знает, что делают с теми, кого берут на зиму.

— Зимний человек, — сказал Эр.

Он стоял чуть дальше, опираясь на копье. Нога после болотной воды всё ещё была плохой. Он говорил меньше, потому что каждый шаг теперь напоминал ему: смелость не отменяет мокрой кожи и холода.

Слова “зимний человек” прошли по кругу.

Не громко. Как ветер под шкурой.

Я уже слышал их раньше. Обрывками. В страхе. В злости. В старых историях у огня. Зимний человек — тот, кого берут не насовсем. На время. До закрытия долга. До конца зимы. До нового мяса. До возвращения чужой соли. До решения, которое принимает не он.

В прошлой жизни это называли бы залогом, должником, трудовым пленником, инструментом давления.

Здесь говорили проще.

Зимний человек.

Человек, которого не убили, потому что живой он полезнее.

— Пошлём за ним, — сказал Арк.

Я кивнул.

— Малой группой.

Тарг сразу сказал:

— Я иду.

— Нет, — сказал Арк.

Тарг даже не вспыхнул.

Он ожидал.

Но от этого не стало легче.

— Эльк там, — сказал он. — Рун вернулся с их словом. Теперь ты хочешь, чтобы я сидел у огня и слушал чужого зимнего?

Арк смотрел на него спокойно.

— Я хочу, чтобы молодые видели, что ты не бежишь каждый раз, когда Юг дёргает ремень.

Тарг сжал древко копья.

— Это уже слишком часто звучит.

— Потому что ремень всё ещё у тебя на горле, — сказал Арк.

Молодые за Таргом замерли.

Старик сказал это не громко, но жестко. Не как упрёк. Как диагноз.

Тарг мог ответить.

Не ответил.

Сая посмотрела на него почти мягко. Почти.

— Сен нужен не тебе одному.

— А кому?

— Тем, кто завтра может стать им.

Она посмотрела на молодых.

Они не отвели глаз.

Не все.

Это тоже было новым.

Решили: за Сеном идут Нор, Варг, Харн, Кел от людей Хада и ещё один человек Ломаного ручья, который был у нас после прошлых обменов. Рат — то есть я — должен был остаться у огня. Арк сказал это без обсуждения. После Руна и знака Элька кругу нужен был не ещё один человек в лесу, а тот, кто сможет разложить то, что принесут.

Мне это не нравилось.

Значит, было правильно.

Но Сен пришёл раньше, чем мы успели выйти.

Сначала волчий зверь поднял голову.

Тот, что лежал у нижнего края стоянки, серый, широколобый, с рваным ухом. Он не зарычал. Просто встал, повернулся к камышовому ручью и застыл.

Варг увидел это сразу.

— Люди.

Нор уже взял копье.

— Сколько?

Варг слушал.

— Идут плохо.

— Наши?

— Один пахнет старым южным дымом.

Я почувствовал, как стоянка втянула воздух.

Сен.

Арк поднялся.

— Малый выход. Не все.

Но слово “Сен” уже не нужно было произносить. Люди поняли. Молодые Тарга сделали шаги к копиям. Тарг резко повернулся к ним.

— Место.

Одно слово.

Они остановились.

Не все сразу. Но остановились.

Он сам взял копье и посмотрел на Арка.

Арк не запретил.

— До ручья, — сказал он. — Не дальше.

Мы пошли шестеро.

Я, Тарг, Нор, Варг, Харн, Кел.

Эр сделал шаг следом, но Хад удержал его за плечо.

— Нога.

— Я могу.

— Я знаю. Поэтому останешься.

Эр хотел спорить, потом увидел лицо Хада и остался. Иногда старший малого рода держит человека не потому, что тот слаб, а потому что этот человек ещё понадобится живым.

Камышовый ручей лежал ниже стоянки, там, где снег всегда врал.

Сверху — белая ровная поверхность. Ниже — чёрная вода, тонкий лёд, сгнившие стебли камыша и пустоты, которые не видно до последнего шага. Камыши стояли сухие, ломкие, с серыми метёлками. Ветер шевелил их, и они шептали друг о друга так, будто там всегда кто-то крадётся.

Мы шли не по прямой.

Нор вёл левее старой тропы. Варг ушёл ниже, почти к воде. Тарг шёл тяжело, но тихо. Харн держался рядом с Норм. После всех ловушек он уже не искал впереди человека. Он искал неправильный снег.

Крик пришёл со стороны ручья.

Короткий.

Не зовущий.

Ударенный.

Потом хруст камыша.

Потом праща.

Камень ударил в ствол перед Норм, кора брызнула ему в лицо. Он даже не выругался. Упал в снег, перекатился за корень.

Тарг рванулся вперёд.

Я схватил его за ремень.

Он едва не утащил меня за собой.

— Не прямо!

Он обернулся.

В глазах был уже бой.

— Там Сен!

— Там ручей.

Это остановило его на одно дыхание.

Хватило.

Нор свистнул два раза — низко, коротко.

Харн понял и ушёл вправо, к сухим кустам. Кел побежал было за ним, но Харн резко обернулся и прошипел:

— Ложись!

Кел замер.

— Что?

— Ложись!

Кел хотел сказать, что не собака.

Камень из пращи прошёл там, где была бы его голова, если бы он продолжил стоять.

Он упал лицом в снег.

Харн даже не посмотрел, послушался ли тот. Уже полз дальше.

Я увидел их через камыши.

Трое.

Двое из Ломаного ручья вели третьего. Один уже лежал на снегу, держась за голову. Кровь шла между пальцами. Второй пытался поднять Сена и одновременно отступать. Сен был худой, длинный, с запавшими щеками и слишком большими глазами. Его мех был порван на груди, губа разбита, на рукаве тёмнела кровь. На поясе болталась сорванная пластина — не красная, костяная, с чужой южной линией. Руки у него были свободны.

Но он держал их перед собой, как связанные.

Дорожников было четверо.

Не южные воины.

Северные люди с южной работой.

У одного — праща. У второго — собака на коротком ремне. Третий уже был рядом с Сеном и тянул его за ремень на груди. Четвёртого я не видел полностью — только движение за камышами ниже воды.

Тарг пошёл к тому, кто тянул Сена.

Не побежал. Не закричал. Просто пошёл так, что человек сразу понял: если не отпустит, его рука останется у Сена на ремне отдельно.

Дорожник отпустил и выхватил нож.

Красный.

Маленький, короткий, рабочий.

Всё уже повторялось: красный нож, человек у воды, ловушка, счёт, зрители, Рун, Эльк, Харн.

Тарг ударил копьём не в грудь, а в кисть.

Поздно.

Нож всё-таки полоснул его по предплечью. Не глубоко, но кровь сразу пошла ярко, быстро, горячо на холоде.

Тарг будто не заметил.

Он ударил плечом.

Дорожник упал в камыши, нож вылетел и ушёл под тонкий лёд у края воды.

Харн в это время добрался до лежащего человека Ломаного ручья. Тот пытался встать, не понимая, где верх. Кровь заливала ему висок.

— Не вставай, — сказал Харн.

Человек не слушал.

— Сен!

— Лежать, — сказал Харн уже другим голосом.

Не громким.

Командным.

Он прижал человека ладонью к снегу и сунул ему под грудь древко копья, чтобы тот не покатился к воде.

Кел лежал дальше, бледный и злой, но живой. Харн крикнул ему:

— К нему! Держи голову!

Кел на мгновение замер.

Ему впервые командовал Харн.

Потом пополз.

Это было маленькое событие в большой драке. Никто, кроме меня, может быть, не увидел. Но такие вещи и создают круг: не когда все согласны, а когда один человек всё-таки выполняет нужное слово того, кому ещё вчера не доверял.

Варг вышел к собаке.

Не спереди.

Сбоку.

Собака была не волчья. Ни по телу, ни по глазам. Её учили ремню, человеческому жесту, чужому запаху. Она рвалась к Сену, но смотрела на руку хозяина. Варг бросил перед ней кусок шкуры, натёртый чем-то резким. Собака дёрнулась туда, но хозяин удержал.

Умный.

Варг понял это тоже.

Он не стал играть с собакой второй раз.

Он бросился в хозяина.

Низко, почти по-звериному. Не красиво. Плечом в бедро, рукой в ремень. Человек упал, собака рванулась, ремень натянулся, петля скользнула по руке Варга и содрала кожу. Он даже

не вскрикнул. Перевернулся вместе с ремнём, прижал его коленом и хрипло сказал собаке что-то без слов.

Собака замерла.

Не подчинилась.

Но потеряла одно дыхание.

Нор этим дыханием воспользовался.

Его короткое копьё ударило не собаку и не хозяина — в снег между ними, пробив ремень и прижав его к земле.

Хозяин потянул.

Ремень не пошёл.

Собака взвыла.

Сен всё это время не лежал.

Он должен был лежать. Любой человек после удара и перехвата лёг бы и закрыл голову.

Сен — нет.

Третий дорожник снова схватил его за мех у плеча и потащил к воде. Там, за камышами, четвёртый уже держал низкую волокушу. Не для раненого. Для того, кого надо быстро увезти, пока он ещё жив.

Сен не закричал.

Он вцепился зубами в руку дорожника.

Тот взвыл.

Не от сильной боли — скорее от оскорбления. Человек, которого ведут как вещь, вдруг укусил как зверь.

Сен ударил его коленом в живот.

Плохо.

Слабо.

Но точно.

Дорожник согнулся. Сен вырвался, сделал два шага и провалился в снег почти по колено.

Под ним была вода.

Я бросился к нему.

Слишком прямо.

Нор крикнул:

— Левее!

Я уже услышал треск льда под собой.

Харн, который был ближе, не побежал. Он лёг на снег, как делал это у болотной воды, и протянул копьё Сену.

— За древко!

Сен смотрел на него и не двигался.

Глаза у него стали пустыми.

Не от холода.

От того, что протянутое древко было слишком похоже на ремень.

— За древко! — повторил Харн. — Не за руку. Сам!

Это слово сработало.

Сам.

Сен схватился.

Харн пополз назад, Кел и раненый человек Ломаного ручья держали Харна за ноги, я подхватил древко сбоку, Тарг одной рукой схватил Сена за ремень на спине и вырвал из воды так, что тот вскрикнул.

Сен упал на снег.

И сразу ударил Тарга локтем.

Не сильно.

Испуганно.

Тарг поймал его руку, но не заломил.

— Свой, — сказал он.

Сен смотрел на него дико.

— Свой, — повторил Тарг.

Сен перестал биться.

Не потому что поверил.

Потому что сил больше не было.

Пращник попытался уйти.

Нор сбил его камнем в колено. Тот рухнул, но уполз в камыши быстрее, чем я ожидал.

Тарг дёрнулся за ним. Я сказал:

— Нет.

Он посмотрел на меня.

Кровь текла по его предплечью, капала на снег.

— Нет?

— Сен.

Он выругался.

Но остался.

Четвёртый дорожник бросил волокушу и исчез за ручьём. Мы слышали, как ломаются камыши, потом всё съел ветер.

Один дорожник остался лежать в снегу с выбитым дыханием. Тот, кто тянул Сена. Варг держал человека с собакой. Пращник ушёл. Четвёртый ушёл. Хорошей победы не было.

Никогда не было.

Были Сен, мокрый до колена. Раненый из Ломаного ручья. Кел с бледным лицом. Харн, который впервые командовал не собой. Тарг с красным порезом на руке. Я с водой в обмотке. Варг с содранной кожей на ладони. Нор с кровью у виска от коры.

И тонкий красный нож подо льдом, который мы не достали.

Я смотрел на мутный лёд у берега и видел там маленькое красное пятно.

Юг опять оставил вещь там, где её хотелось взять.

— Не трогать, — сказал я.

Харн уже смотрел туда.

Он поднял глаза.

— Я и не трогал.

— Знаю.

И это было правдой.

Сена привели в стоянку не как гостя.

И не как спасённого.

Как улику.

Он шёл сам, но между Таргом и Харном. Не потому что его держали. Потому что без людей по сторонам он всё время сбивался к краю дороги, как человек, который привык идти там, где его можно толкнуть.

У него тряслись руки.

Не от холода. Или не только.

Мокрую обмотку сняли ещё у ручья, растёрли ногу снегом, завернули в сухой мех Кела. Сен дал сделать это молча. Слишком молча. Когда Сая потом спросила, больно ли, он ответил:

— Не знаю.

Она не переспросила.

Иногда человек правда не знает. Боль становится фоном, как дым у потолка.

У общего огня люди расступились.

Сен не посмотрел на них.

Он смотрел на землю перед собой. На следы. На кости. На края мехов. На руки тех, кто стоял близко. Не в лица. Зимние люди, наверное, не начинают с лиц. Лицо может сказать, что жалеет. Рука — что держит ремень.

Сая встретила его у огня.

Он сразу остановился.

— Не туда, — сказал он.

Голос был хриплый, почти чужой.

Сая поняла быстрее остальных.

Она не повела его к центральному огню, где лежали кости счёта, соль, красные вещи, дерево с именем Элька и кость Руна.

Она указала место между огнями.

Между общим и огнём Хада. Так, чтобы его слышали Арк, Хад, Тарг, волчьи и молодые. Но чтобы он не сидел внутри одного круга, который потом мог сказать: это наш человек, наш долг, наше слово.

Сен сел.

Не сразу.

Сначала посмотрел на место.

Потом на Саю.

— Это место чьё?

Сая ответила:

— Сейчас твоё.

Он моргнул.

Потом сел осторожно, не спиной к лесу и не лицом прямо к огню. Боком. Так сидят те, кто привык иметь выход.

Сая дала ему воду.

Он взял чашу.

Не пил.

Рун, сидевший у общего огня, тихо сказал:

— Здесь вода не записана.

Сен посмотрел на него впервые.

Долго.

Узнал не лицо. Состояние.

— Ты вернулся со словом, — сказал Сен.

Рун побледнел.

— Да.

— Ещё не знаешь каким?

Рун покачал головой.

Сен кивнул.

Будто это было обычным делом.

Потом выпил.

Сая присела напротив него.

— Говорить сможешь?

— Если скажу, это тоже будет счёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.